

ВАДИМ ГОЛУБЕВ

Преданные и проданные

Триллер

Вадим Голубев

Преданные и проданные. Триллер

«Издательские решения»

Голубев В.

Преданные и проданные. Триллер / В. Голубев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960612-9

Эта книга о тех, кто стал расходным материалом в руках мафии — уголовной, партийной, военной. Их завлекали легкими деньгами и безнаказанностью. Когда же расходный материал становился отработанным, от него избавлялись. Были такие, кто пытался сопротивляться. С ними быстро расправлялись, либо убивая, либо ввергая в тяжелый наркотический сон. Большинство же плыло по течению, ни о чем не задумываясь, радуясь крохам с барского стола. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960612-9

© Голубев В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая Казань-Москва	6
1	6
2	8
3	14
4	27
5	34
6	40
7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Преданные и проданные Триллер

Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2018

ISBN 978-5-4496-0612-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Казань-Москва

1

В тот год в Казани буйствовала сирень. Она вилась по берегам Волг, Казанки, Свияги, окрасила в свои неповторимые цвета Кремль, окружила Молодежный центр, заполонила дореволюционные и «сталинские районы, трущобные пятиэтажные новостройки. Одурело бродили среди этого буйства старшекласники и учащиеся профтехучилищ, лениво обмахиваясь ее веточками. Им было не до выпускных экзаменов – новая вспышка войны между молодежными группировками охватила город. Мало кто из парней ходил теперь в школу или в училище. Вечерами они сбивались в компании, заглывали для куража дешевенького вина и шли на дискотеку или в кино. Парни знали, что там им предстоит схватка с ребятами из другого микрорайона. Между ними уже давно шла вражда. Однако несколько лет было затишье. Все знали, что нельзя появляться на соседней улице: избыют. Иногда случались групповые драки. Но это происходило на «спорных», пограничных территориях. В каждом районе были созданы формирования молодежи, которыми руководили представители преступного мира. Они собирали с молодняка дань, имели своих людей в каждой школе. Те раз в неделю должны были принести определенную сумму, установленную преступниками. С каждого ребенка взималось по двадцать пять рублей в месяц. Не желавшие платить «строптивцы» жестоко избивались. Попадало и родителям, если те пытались обратиться в милицию или другими способами уклониться от уплаты «оброка». Несколько случаев избияния взрослых велосипедными цепями заставили покориться всех. Теперь и профессор, и рабочий безропотно давали детям деньги, чтобы те в назначенный день и час могли откупиться от избияний и унижений. «Деловые мальчишки» несли собранное «старшим» по улицам, которые отдавали «бабло» районным «королям» и паханам. Последние, оставив себе часть, передавали полученное в общак. На эти средства покупались машины в подарок вышедшим из тюрьмы, отправлялись в лагеря посылки осужденным, шел подкуп работников правоохранительных органов и прочих должностных лиц. Немалая часть этих денег выделялась на спаивание и отравление наркотиками подростков, изготовление для них униформы, самодельного оружия: самопалов, кастетов, ножей. До поры до времени все это держалось на конспиративных квартирах и тайных складах. Паханы выби- рали время, когда оружие надлежало пустить в ход.

Какое-то время обходились мордобитиями, будоражившими город. Потом к этому все привыкли. Да и перед людьми встали другие проблемы. Год от года жизнь становилась все хуже и хуже. Повышались цены, пропадали с прилавков дешевые товары, исчезали из магазинов продукты. Они гноились на складах тысячами тонн, уничтожались. По городу же пускались слухи, что все уходит в Москву. Однако ехавшие в столицу в командировки видели, что и там не лучше. Еще хуже обстояли дела в других поволжских городах. Если в Казани власти своевременно ввели талоны, по которым продукты питания мог купить только житель города, то в других местах долгое время и этого не было. Глухое недовольство накапливалось в людях. Рано или поздно оно неминуемо закончилось бы взрывом. В таких случаях преступный мир извлекал из своих запасников такое мощное оружие как война между молодежными группировками. Тогда начиналась жестокая, не на жизнь, а на смерть, борьба. Будучи единой по структуре, мафия стравливала свои низовые отряды, которые даже не подозревали, что воюют против членов одной и той же с ними организации.

Для начала повесили десятилетнего мальчишку, родители которого недавно приехали в Казань из другого города и, не зная местных порядков, обратились в милицию, когда с ребенка начали вымогать деньги. Это привело к своеобразному укреплению дисциплины

среди молодежи, беспрекословному подчинению воле преступников и их подручных. Потом зарезали после дискотеки учащегося ПТУ. Дальше – пошло-поехало. Теперь не проходило вечера без группового побоища, в результате которого кого-нибудь не увозили в больницу. Обратив противника в бегство, победившая в драке группировка с песней проходила по улице или же разбегалась по подворотням, слышав сирены милицейских машин. В одиночку добивались парни до своих «хаз» – подвалов и чердаков, где выброшенных прежними хозяевами старых диванов и кушеток их поджидали одноклассники. Наскоро подлечив полученные синяки, ссадины, а кое-кто – и раны, ребята принимались за выпивку. Красуясь перед девушками, вспоминали они эпизоды драки. Особое внимание обращалось на проявивших самую большую жесткость, нанесших противнику самые страшные удары. Гуляли по кругу бутылки, расстилался сигаретный дым, висел смачный мат, изрыгаемый парнями и девушками. Кое-кто начинал танцевать. Какая-нибудь девица говорила парню: «Ах, ты – бедненький мой! Давай, я тебя пожалею!» и тащила его на продавленный, затруханный диван. Кончившую пару сменяла другая, и так продолжалось до тех пор, пока кто-нибудь из девушек не выкрикивал: «Ой, блядь, третий час! Родители с ночной смены скоро придут! Поздно уже!» Компания разбредалась по домам, а утром не выспавшиеся ребята брели в школу и дремали до конца занятий. Они даже перестали изводить учителей. Вернувшись домой, наскоро перекусывали и спали до шести часов вечера. Потом встречались в назначенных местах, и все начиналось снова.

2

– Сегодня работы не будет! – сказал Рашид – «старший» по улице 10 лет Октября. – Дискотеки закрыты, вахитовским таких люлей вломили, что они долго на улице не покажутся.

– Ура! – пронеслось в голове у Сережи. – Можно будет к Верочке сходить, позаниматься физикой – выпускные экзамены на носу.

Родители Сережи – авиаинженеры перевелись в город своей юности год назад из Саратова, где делали знаменитые «Як-40». С Казанью их связывали воспоминания юности, родители, многочисленные друзья. В Саратове у сережиных родителей тоже все складывалось неплохо. Отец за 18 лет работы дослужился до начальника цеха, мать преуспевала в конструкторском бюро. Однако в Саратове было голоднее, чем где бы то ни было в Поволжье. Посещая во время отпусков Казань, родители видели, что там намного лучше. Звали друзья, устроившиеся после окончания Казанского авиастроительного института на огромном заводе, освоившем выпуск флагмана советского воздушного флота «Ил-62». Чашу весов в пользу переезда склонило и назначение генеральным конструктором генерала-лейтенанта авиации – страшного хама и матерщинника.

– Все вы – м... и говно! – сказал он начальникам цехов, ознакомившись с производством. – Вам надо поучиться работать у наших уральских ребят!

Началось выживание с предприятия прежних работников, замена их разухабистыми ребятами с родины генерального конструктора – города—Верхняя Салда. Там ковали боевую технику – ракетные перехватчики. Уральцам и их покровителям попытались объяснить, что в Саратове производство другое, и военные методы руководства к нему не подходят. Объяснения не помогли. Тогда последовали жалобы в Министерство авиационной промышленности, обком КПСС. Посетившие завод комиссии взяли сторону уральцев. Последним побывал на заводе замминистра по кадрам.

– Трудно, очень трудно работать с новым руководством... бездельникам! – заявил он, подводя итоги очередной проверки на партийно-хозяйственном активе.

После этого полетели головы одного за другим начальников цехов и их заместителей. Дошла очередь и до сережиного отца.

– Мне не нужен такой начальник цеха! – выдал ему генеральный во время одного из своих обходов предприятия.

После этого отца вызвал заместитель генерального конструктора по кадрам.

– Дело очень серьезное, – сказал он. – Надо тебе уходить!

– Я не вижу за собой никакой вины! Виноват только в том, что не прогибался под генеральным! – ответил отец Сережи.

– Ты хочешь, чтобы тебя начали ловить? Ведь попадешься даже на самом маленьком недостатке в работе, а их у тебя предостаточно, отрубим голову так, что и ойкнуть не успеешь!, – ответил кадровик. – Бери, лучше, отпуск и поезжай в Казань. Там большое объединение, тебе что-нибудь подберут. Уйди, мой тебе совет, по-хорошему. Не дергайся!

Сережин отец смотался в Казань. Там он отправился к приятелю с еще институтских времен, возглавлявшему теперь кадровую службу объединения.

– Нет проблем! – ответил тот на просьбу о переводе. – Вакансий начальников цеха, правда, сейчас не имеется. Но замначальника отдела в конструкторском бюро поставим. Оклад сохраним, даже еще на пятьдесят рублей больше будешь получать. Работа – куда спокойнее, чем в цехе.

После отпуска отец Сережи приступил к работе в Казани. Чуть позже к нему выехала семья. Сразу же получили и квартиру. Главный инженер объединения перевелся на работу

в Москву, и после квартирных передвижек руководителей различных рангов, семья Сережи заняла двухкомнатную квартиру в старом, но добротном доме на улице 10 лет Октября.

С казанскими нравами Сережа столкнулся на второй день пребывания в школе.

– Эй, ты, пенек обдристанный, кантуй сюда! – услышал он, когда выходил после занятий.

На лавочке сидела компания парней с фиксами из нержавеющей стали и синими наколками на руках.

– Надо идти! Рашид зовет! – подтолкнул Сережу сосед по дому блондинистый долговязый Славка, от которого несло мочой и спермой.

– Ты, что ли из Саратова будешь? – спросил сидевший в центре Рашид, двадцатилетний парень в куртке-варенке и серебряном перстне с дешевым камнем на мизинце.

– Я, – ответил Сережа и со стоном упал опрокинутый ударом ноги по позвоночнику.

– Так со старшими не разговаривают, – ласково сказал Рашид. – Вмажьте ему еще!

Пять ног опустились на голову и живот Сережи. Тот покатился по асфальту и замер, отплеываясь от крови.

– Может, достаточно, Рашид? – почтительно склонившись, спросил Славка. – Парень – неплохой, в одном подъезде со мной живет...

– Умойте его и тащите сюда! – приказал Рашид.

Сережу подтащили к колонке и подставили его голову под струю воды. Остановив кровь, текшую из носа и губ, парни поставили Сережу на колени перед Рашидом.

– Ну вот, пенек саратовский! Сегодня мы прописали тебя в Казани. Ему скажи спасибо, что не крепко прописывали, – кивнул Рашид в сторону Славки.

– Теперь к делу! У нас есть господа, есть солдаты и есть батраки. Господа командуют. Солдаты воюют – защищают господ, батраки – прислуживают и приносят господам деньги. Ты будешь, пока, батраком. Будешь носить нам «бабки» и на побегушках. Посмотрим на тебя. Окажешься умным – станешь солдатом. До армии или до тюрьмы будешь солдатом. Потом или вольную дадим, или перейдешь в господа. «Капусту» – четвертной в месяц – отдавать Славке. Он – старший по вашему классу. Отказаться нельзя – напрягать будем, говно жрать заставим! Понял?

– Понял, старшой!

– Тогда топай домой! Ты свободен! – милостиво отпустил Рашид.

До зимних каникул Сережа походил в батраках. Потом его перевели в солдаты: группировка готовилась к войне. Во время батрачества Сережа не терял времени даром. Еще на осенних каникулах Сережа сдружился с Верочкой, жившей в том же доме, только в подъезде для начальников. Верочкин папа был кадровиком объединения, помогшим сережиным родителям переехать в Казань. Верочку не трогали. Она отделялась только оброком. Ее, не смотря на красоту, не затаскивали на оргии, не растлевали на «хазах». От нее держались подальше, поскольку преступный мир редко трогает сильных мира сего. Предпочитает подкупать их, превращать в свое лобби во властных структурах. Верочкин папа еще не помог мафиози, но мог пригодиться. Поэтому не трогали дочку, следили, чтобы ее не изнасиловали по пьянке. Стоявший рангом выше сережиного отца, верочкин папа не препятствовал дружбе: парень из своей среды, серьезный, начитанный, собиравшийся поступать в авиационный институт. Верочке Сережа сегодня нравится, а дальше всякое может быть. Скорее всего, детские увлечения пройдут, и выйдет Верочка замуж, разумеется, предварительно окончив экономический факультет того же авиационного института за человека с положением или за сына какого-нибудь чиновника из Москвы. А пока родители снисходительно относились к увлечению дочери. Папа при встрече протягивал Сереже руку, как взрослому. Мама время от времени доставала билеты в театр оперы и балета, филармонию, на закрытые выпускные спектакли учащихся театрального училища. В декабре Верочка и Сережа неумело, по-детски поцеловались в подъезде. Теперь они ждали окончания уроков, чтобы до прихода родителей уединить в квартире кого-нибудь из них и целоваться там до самозабвения. Воспитанная в строгости Верочка не позво-

ляла Сереже залезать ей в трусики. Дело ограничивалось поглаживанием небольших упругих грудей, икр ног и поцелуев вокруг бюстгалтера. Развращенные одноклассники подмигивали Сереже и Верочке, рисуя в своих умах картины, на которые было способно их воображение.

До мая сережина «солдатчина» протекала вольготно: пару раз он дрался с пришлыми на дискотеках. В мае началась война. Сережа, как и все парни района, принимал в ней участие. Ему выдали велосипедную цепь, обрезок металлической трубы и пару самодельных гранат. После побоищ он не шел на «хазы» вместе со всем, предпочитая отсыпаться, готовиться к вступительным экзаменам и встречаться с Верочкой. Его называли женихом и не тащили на оргии. Сережа ненавидел порядки, царившие в среде казанской молодежи, но деваться было некуда. Слишком хорошая память осталась у него от «прописки», устроенной Рашидом. С трудом сдерживал он возмущение против творившегося вокруг, понимая, что сделать ничего не сможет, что все давно приняли эту власть тьмы, и никто не поддержит его возмущения. Единственной отрадой были встречи с Верочкой. Она. Выросшая в Казани, знала, что творится вечерами в парках, у дискотек, молодежных кафе, кинотеатров. Поэтому она не осуждала Сережу за частые отлучки, а просто ждала его. Ждала, чтобы с еще не растроченной нежностью, отдаться его объятиям, прижаться к еще не окрепшим мускулам, целовать мягкую щетинку на его щеках, поглаживая шею и мягкие каштановые волосы.

Все помыслы Сережи были об этих встречах, физике с основами высшей математики в перерывах между ними. Даже во время боев он думал об этом, механически размахивая цепью, валя ее на землю противников. Вот и сейчас, слушая Рашида, он представил, как обнимет Верочку, вдохнет аромат ландыша, исходящий от ее шейки, проведет языком по маленькому ушку. Однако сережиным мечтам не суждено было исполниться.

– Работы нет, но есть хорошее, достойное мужчин развлечение, – осклабился Рашид. – К двенадцати ночи всем быть в районном парке, у обрыва! А пока по «хазам»! Выпивки сегодня много. Пить можно, сколько хочешь! Но, чтобы к полуночи все были на месте! И чтобы ментов за собой не привели!

Сережа забежал к Верочке, но она не ждала его так рано и ушла к кому-то из подруг. До своего подъезда Сережа не дошел. Его окликнул Славка. Рядом стоял еще один подвальный житель – Мустафа. Предки этих парней еще до революции жили в подвале этого дома. Прадед Славки был швейцаром, а Мустафы – дворником.

– Пойдем снами, Жуковский! – не пригласил, а приказал Славка. – Уж больно серьезное сегодня развлечение, чтобы оставлять кого-то одного.

– Ребята, мне бы задачки порешать... как раз время есть, – попытался отвязаться от одноклассников Сережа, прозванный ими по имени отца русской авиации за желание учиться в авиационном институте.

– Наплюй на задачки! У тебя отец в авиа-объединении пашет, а тещь – тот вообще бугор! Тебя и так возьмут! Потопали! Это – приказ паханов, – прервал сережины возражения Славка.

На «хазе» – прокуренном чердаке, на старых физкультурных матах в игривых позах раскинулись одноклассники. Из магнитофона «Соната» педерестичные голоски завывали: «Жулик будет воровать, а я буду продавать. Мама, я жулика люблю!» Ребят в коморку набилось человек пятнадцать. Девушек было вдвое меньше.

– Почему не все девки в сборе? – хмуро осведомился Славка.

– К Венере Хасан из армии вернулся. Люська с Галькой тоже с дембелями ухряли. Они с ними с седьмого класса долбили. Валюха залетела – абортиться надо. У остальных профур менструация. Верку с Ядвигой и Улямой не трогаем – у них папаша – бугры, – отработовала предводительница девчат Тамара, по кличке Корова. Можно сгонять, привести шалашовок из шестого. Как раз у моей сестренки сейчас двое сидят...

– Ладно! Нечего время терять! Пока ты пойдешь, пока назад их и свою толстую жопу притащишь, пока их научим что надо делать. Давайте лучше выпьем! – остановил Славка Корову.

На этот раз была водка, копченая черноморская скумбрия, ранние помидоры и огурцы с дачи чьих-то родителей. После первого стаканчика ребята побледнели, покраснелись лица девчат.

– Ух, ты, моя татарочка! – полез Мустафа под юбку татарки Раисы.

– Пока не время! Давай еще по одной! – остановил его Славка.

Время настало после третьей. Потом потные и взъерошенные проводили закуривали. Кто-то стягивал презерватив, давно ставший дефицитом.

– Ну ты и накопил! Как с голодного края! Что тебе Верка твоя не дает, что ли? – спросила Сережу Корова.

– Отчего же... Дает, – соврал парень.

– А ты – сладенький! – бормотала Корова. – Ты, когда с Веркой поссоритесь, ко мне приходи! Я – девка простая – без интеллигентских штучек-дрючек.

– По коням! – прервал ее рассуждения Славка. – Мы, девчата, ночью не вернемся. Так что приберите тут, чтобы в следующий раз трахаться культурно было! Ключ, как всегда, у тебя, Корова! Смотри, чтобы какая-нибудь бомжина не влезла, спирахет не оставила.

Без пяти минут двенадцать компания была в назначенном месте. На подходе к парку к ней присоединился Рашид. Собралось человек триста – вся молодежь микрорайона в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Особо выделялись девушки в черной униформе с погончиками.

– А девки то чего? – возиутился было хранитель мусульманских традиций Мустафа. – Сказали, что развлечение для мужчин...

– Эти девки тебе сто очков дадут! – оборвал его Славка. – Из ПТУ они. Кунг-фу и карате владеют в совершенстве. Их в драках пока не используют, берегут. А трахаются они только с «королями». Мы для них – сявки сопливые. Эта гвардия «бабки» от паханов и «королей» получает. Каждой по полтиннику в месяц просто так дают. А если что – по две-три сотни за ночь. Вон, Розка – их командирша. Та, бывает, по штучке за ночь отрывает, если операция успешная.

Славка указал на коротко, очень модно стриженую брюнетку, на форме которой поблескивали какие-то знаки различия – звезды и полумесяцы. Вдруг гул прошел по обрыву. Сквозь толпу пробился микроавтобус. Он остановился рядом с парапетом, ограждавшим обрыв. Из машины вышли парни в черной униформе, старшей микрорайона Галим, какие-то матерые мужики, лиц которых не разглядели. Из автобуса вытащили тумбочку. Из нее выковыряли парня и поставили под фонарем. Лицо парня было в кровоподтеках, по белой рубашке пролегли кровавые полосы.

– Эге, да это же – Илюха-студент, – протянул все знавший Славка.

– Эта падла вонючая ссучиалась, – ткнул в печень Илюхи Галим. – Перестала выполнять наши законы. Когда он был батраком, его приходилось неоднократно гонять за несвоевременную уплату оброка...

– Меня мать одна растила! Где ей было взять четвертной в месяц?! – выкрикнул Илюха, но осекся и захватал ртом воздух, получив от Галима удар ребром ладони по горлу.

– Солдатом он тоже был плохим! Силком приходилось тащить на разборки, – продолжил Галим.

– Галимчик! У мамы плохое сердце – ее нельзя было волновать! – хрипел, опершись о стол Илюха.

– У моей мамы тоже плохое сердце. Только я, вот, четыре срока отмотал! С одиннадцати лет по лагерям и колониям мотаюсь. Почему моя мама умерла от горя, когда я за всех нас по кичманам парился, а ты свою маму бережешь? А последние полгода ты вообще от нас отбился. Мы тебя и как человека просили: «Будь с обществом!»

– Галимчик! Я ведь – студент!

– От солдатчины освобождает только тюрьма или армия. А ты – студент! Заметь, не зек, не кашеед. Мы через верных ребят в военкомате справились. Тебе повестка только в июне должна прийти, а ты еще в ноябре от нас откололся. В другой город уехал – думал: мы там тебя не достанем. А призываться то тебе, козел позорный отсюда, из Казани! Вот и свиделись. Словом, паханы потолковали, решили, что Илюху править надо... Есть другие мнения? Нет? Никто ничего не хочет сказать? – обратился Галим к толпе.

– Ребята, миленькие! – заплакал, упав на колени, студент. – Я все буду делать! Ногтями землю рыть буду!

– Лезь в тумбочку, медуза! – ударила его высоким сапогом Роза.

Девушки в униформе обступили Илюху. Было видно, как поднимаются их изящные ножки, наносят студенту беспощадные удары. «По яйцам ему дай! По яйцам! Вот так!» – слышалось из-за девичьих спин. Сережа увидел, как между сапожек пролезла илюхина рука. На нее опустился острый каблучок и разбив косточки пальцев до крови, завертелся на них. Илюху затолкали в тумбочку, захлопнули дверцы. Сквозь них потекла кровь.

– Караул! Милиция! Убивают! – закричал Илюха, сотрясая тумбочку.

Сильными накаченными руками девчата подхватили тумбочку, перекинули ее через парапет. Серже показалось вечностью, пока истошный вопль студента не сменил треск досок и костей.

– Да-а, – протянул Славка. – Лететь тут метров тридцать...

– Теперь, кто хочет, может посмотреть, что стало с отступником, – картинно пригласил Галим.

Микроавтобус направил фары вниз, на небольшую залитую цементом площадку под обрывом. Среди темных обломков тумбочки белело то, что некогда было Илюхой.

– Сейчас – по домам! – скомандовал Галим. – Помните: так будет с каждым, кто не захочет жить по нашим законам!

Картины расправы стояли перед глазами у Сережи во время пути домой. Он почувствовал позывы к рвоте. Славка протянул ему початую бутылку водки. Сделав несколько глотков, Сережа услышал: «Что, детский сад, мокро в штанишках?» Обернувшись, компания увидела Розу в сопровождении девчат в униформе и почтительно склонившегося к ней грозного Рашида.

– А вот этот, с бутылкой, ничего! – указала Роза на Сережу. – Как-нибудь потом познакомь нас поближе!

– Конечно, конечно! – закивал Рашид.

На следующее утро Славку, Мустафу и еще кое-кого из «неблагонадежных» вызвали в милицию. На вопросы следователей их ответы были однотипны: «Весь вечер находились дома, ничего не знаем». Через два дня директора школы и ПТУ пошли жаловаться в райком партии: «Выпускные экзамены на носу, а детей от учебы отрывают! Пусть милиция сама разбирается, что к чему!» Никому не хотелось уголовного дела до выпуска. «Выдадим аттестаты об окончании, а там они уже – вроде не наши!» – такова была логика педагогов.

На время выпускных экзаменов война затихла, с тем чтобы разгореться с новой силой после их окончания. Полусонным, ничего не знавшим ребятам понаставили троек и четверок, а кому-то даже – пятерок. За три дня до выпускного вечера Славку, старшего школы – Мустафу и некоторых других вызвал директор школы Ефим Петрович.

– Ребята, выпускной вечер приближается... – начал было он.

– Что ваш выпускной вечер? Суходрочка! – нагло заявил Мустафа. – Неинтересен он нам! Выдайте аттестаты – и айда по домам!

– Нет нам резона под ваши вшивенькие виа изгиляться, – поддержал его Славка.

– Раньше всех в Кремль возили, или на пароходах по Волге катали, а теперь сиди всю ночь в школе, как арестанты! – начал торговаться Мустафа.

– Ребята, вы все в этой школе десять лет учились. Почти все, с первого класса! Отдайте ей только один последний вечер! – принялся упрашивать Ефим Петрович. – Вы же знаете: не я ввел этот порядок...

– Хватит нам время терять! Или мы всю ночь катаемся на речном трамвае по Волге, или вы никого на выпускной вечер не заманите! Вам же хуже будет! Сорвете мероприятие – в РОНО (районном отделе народного образования – авт.) и райкоме вас за это не похвалят! – отрезал Славка.

– Катание – это не вопрос! Пароходство всегда шло нам навстречу. Автобусы, чтобы в порт отвезти, – тоже не проблема. В РОНО трудно договориться будет – там такие бюрократы!

– Это – уже ваши трудности! А порядок на палубе мы обеспечим! – заверил его Мустафа.

3

Нудно шло катание на речном трамвайчике с гордым названием «Свяига». Играл вокально-инструментальный ансамбль – испытые сорокалетние мужики в иностранных шмотках. Отплясывали на палубе в голубых и розовых платицах девушки. Парни, одетые по случаю выпуска в серые костюмы, стояли вдоль борта. Под навесом сбились в кучку учителя и отличники. Временами парни и девчата спускались в трюмную каюту, где выпускницы оставили сумочки. В них предусмотрительно сложили выпивку. Молодежь предвидела, что выпить не дадут. Ее опасения подтвердились, когда, спустившись в буфет спросили, есть ли выпивка и получили ответ:

– Перестройка, мать ее! Уже два года на сухую катаем...

Тогда и приложились к запасам по первой. В перерывах между танцами курили на корме, закусывали в буфете черствыми коржиками и задеревеневшим чак чак (татарское национальное блюдо из теста с медом – авт.). «Грелись» время от времени и мужики из виа. Учув, что от выпускников пахнет спиртным, «дернули» и учителя. Ефима Петровича потянуло на откровенные разговоры с ребятами.

– Прекрасные вы ребята! – рассуждал он под снисходительные усмешки парней. – Ваше поколение – лучше нашего! Оно больше знает, более практично и целеустремленно. Разницу между нашими поколениями можно проиллюстрировать анекдотом. Профессор хочет помочь на экзамене студенту. «Какой химический материал сходен с тем, чем вы занимаетесь с девушкой в подъезде, провожая ее домой?» – спрашивает он. «Знаю, профессор! Ебанит!» – отвечает студент. «Ну зачем же так круто, голубчик? Я имел в виду целлюлоза...» Вот и вы – максималисты. Всего вам хочется сразу, быстро, с минимальными затратами труда. А в жизни, к сожалению, все не так просто. И всего вам придется хлебнуть, хотя и меньше, чем нашему поколению.

– Чего же нам придется хлебать, Ефим Петрович? Разве, что перестройку? – вклинился в его рассуждения Славка.

– И перестройку тоже! Вон какая война идет в Афганистане! Из одной нашей школы скольких ребят в цинковых гробах привезли...

– Ефим Петрович! Можно вас на минуточку? – возникла перед компанией перепуганная завуч Агнесса Львовна.

– Что там еще? – спросил директор, отойдя с Агнессой Львовной.

– Козлов и Гиттауллина заперлись в мужском туалете!

– Это – не страшно, Агнесса Львовна! Хуже, когда вдвоем запираются два парня.

– Но ведь – это же аморальное поведение! Это – разложенчество!

– Полноте, голубушка! Они уже давно разложились. Их не по углам гонять, а пожалеть надо! Еще несколько месяцев и попадут парни в армию. Многие, думаю, что большинство – окажутся в Афганистане. Сколько их вернется оттуда? И сколько их вернется целыми? Знаю одно – все вернутся нравственными калеками и с искалеченной психикой.

Оркестр, между тем, сделал еще один перерыв. Музыканты снова «грелись», когда руководитель ансамбля – лысоватый Юрасик, прихватил за руку проходившую мимо Корову.

– Ну что, тёлочки, выпьете с нами? – спросил он ее и оказавшуюся рядом Раису.

– Не мешало бы... – согласилась Корова.

– Какие планы после мероприятия? – поинтересовался, выпив, Юрасик.

– Никаких, – обнадежила Корова, рассчитывая получить еще выпивки.

– Может быть, махнем ко мне? Послушаем хорошую музыку, видик покрутим. Я из Москвы с гастролей хорошие фильмики привез. Есть и гала-концерты, и про ниньдз...

– А порнушка есть? – нагло спросила Раиса. – Я очень люблю порнушку!

– И порнушка есть, и кофеёк растворимый бразильский...

– Что кофеёк? Покрепче бы чего! – мечтательно потянулась Корова.

– Есть виски «Тичер», тоже из Москвы привез. Кореш там у меня в валютном ресторане играет – достал. И сигареты «Кент» покурим. Заметано?

– Заметано, заметано... Давай еще выпьем, а то холодно что-то, – подвела итог беседы Корова.

– Стас! Я договорился с девочками! Достань еще бутылку! – крикнул Юрасик долговязому плейбою с длинными сальными патлами и запорожскими усами.

Тот выдернул из футляра из-под синтезатора бутылку вина «Волжское».

В седьмом часу утра нудятина закончилась. У причала выпускников ждали автобусы. Неожиданно быстро собрали свое имущество музыканты.

– Поехали, тёлочки! – остановил у сходней Юрасик Корову и Раису. – Вон моя «тачка» стоит.

– Что вы, дяденька! Вы же выпивали! Как за руль сядете? Опасно с вами ехать. Да и спать мы хотим – устали! – попробовала протиснуться мимо Корова.

– А как же ваше обещание порнушку с нами посмотреть, музыку послушать? – сжал ее руку Юрасик.

– Дяденька! Малолетки мы! Нам в постельку, бай-бай пора! Вы же потом с нами хлопот не оберетесь! – урезонивала музыканта Корова.

– Как пить на халяву – так большие! Как отдавать долги – так маленькие?! – возмутился не терпевший возражений Юрасик. – Быстро в машину!

– Что за дела? – остановился рядом с ними Славка.

– Дяденьки хотят, чтобы мы посмотрели с ними порнушку со всеми вытекающими последствиями, – сообщила Раиса, которую подталкивал к трапу Стас.

– Вот оно что? – протянул Мустафа, глаза которого стали еще более узкими.

– Давай, давай – проходи! Не задерживай движение! – оттер его от группы блондин с выкрашенными в черное прядями на лобу.

Подтянулись и другие музыканты. Они видели, что учителей уже нет, а хилых на вид пацанов нет уж много.

– Иди на горшок, сыночек! – оттолкнул Славку Юрасик, выпустив на миг руку Коровы.

– Вот тебе, Макаревич х...в! – Славка ударил Юрасика в лоб.

Музыкант повалился на канаты, перекинулся через них и, подняв фонтан брызг, погрузился в грязные портовые воды. В тот же миг растянулся на палубе блондин, которого Мустафа ударил ладонью по виску, а затем добил ногой по челюсти. Сережа, Боренька и Шабак, достав из пиджаков велосипедные цепи, бросились на остальных музыкантов. Те заметались, начали отступать на корму.

– Мулявина долбанного за борт! – велел Мустафа.

Корова уже схватила Стаса за ноги, а Славка угостил его цепью по спине. Секунда – и Стас, взмахнув руками, перелетел через борт. Капитан и матросы речного трамвайчика не вмешивались. Они наблюдали за схваткой из рубки. Пара музыкантов заколотила кулаками по стальным дверям. Речники безучастно посмотрели на них и не открыли. Получив цепями по спинам от подоспевших Шабаки и Сережи, музыканты прыгнули сами за борт. Остальные участники виа попрятались в трюме. Искорежив инструменты и музыкальную аппаратуру, ребята бросились в сторону от автобусов. Их сопровождали сбросившие тужельки Корова и Раиса. Никто не слышал, как бушевали вытащенные из воды Юрасик и Стас.

– Сучки, б...шки малолетние, засранки! Мы их поили, а они нас так продинамили! – верещал Юрасик, стараясь отлепить от себя остатки американской бумажной куртки, почерневшей от мазута.

– Ваши сопляки нам аппаратуры на пять тысяч переломали! Сейчас позвоним в милицию – всех на х... пересажаем! – вопил Стас, прыгая перед Ефимом Петровичем.

– Подождите, подождите, молодые люди! Я вам не советую звонить ни в какую милицию! – неожиданно жестко ответил директор школы.

– Это почему же? – оторопело спросил Юрасик.

– А потому что вам же хуже будет! Налицо растление малолетних, попытка совершить изнасилование, злостное хулиганство. Мы все видели, как вы, Юрасик, ударили нашего ученика, вступившегося за честь девушек. Мы тоже возбудим против вас встречное уголовное дело. Года по три зоны вам будет обеспечено. Давайте лучше так: мы откажемся от наших претензий, а вы – от ваших, – с этими словами Ефим Петрович пошел к автобусу.

– Ах, ты, гаденыш! – устремился вслед за ним Стас.

– Но, но! Еще раз искупаться захотел? – строго спросил, полуобернувшись, директор. – Давай! Вон у меня полных два «Икаруса» учеников сидит. Живо еще раз за борт сыграешь!

– Ну и молодежь пошла! Курят, пьют, трахаются! Чтобы мы еще раз играли за гроши в этой долбаной школе?! А этому директору, сраному, очки бы разбить не мешало! Чтобы нормальных советских людей воспитывал, а не гопоту! – кляли вслед Ефиму Петровичу школу и учеников служители муз.

Оставив за спиной причал с речными трамвайчиками, компания оказалась на припортовом пустыре, тянувшемся вдоль реки. Это была «нейтральная» территория между двумя микрорайонами. Молодежь сюда не совалась – здесь была территория взрослых дяденек. Здесь они пили, разбирались друг с другом, временами оставляя после себя трупы. Вместе с тем это была самая короткая и безопасная дорога домой. Девчата обулись и кляли грязь пустыря, его загаженность старыми автомобильными покрышками, ящиками, каким-то бесформенным металлом, пустыми бочками. Под ногами в изобилии валялись бутылки, окурки, проржавевшие консервные банки. Пахло речной водой, пылью, мазутом и застарелым дерьмом. Внезапно компания сделала стойку, подобно своре охотничьих собак. Из-за груды ящиков появилась пара.

– Тьфу, зараза! Весь подол мне затрухал! – недовольно ворчала девушка.

– Да брось ты, Джейн! Соскучился ведь! У тебя то заработки в Москве, то эти б... ские экзамены, – отвечал парень.

Молодые люди были из соседнего, противоборствующего района. В минуту компания окружила их.

– Да ведь это – октябрьские! – определил противников Мустафа.

– Отвали, гондоны! – выхватил самопал парень.

Однако ловкий Славка сзади накинул ему на шею цепь, захлестнул ее. Другие ребята навалились на руки захрипевшего парня, обезоружили его. Шабак схватил ящик и начал им бить парня по голове. Попытавшуюся рвануть в сторону девушку перехватила Корова. Крепко обняла ее, не дав возможности обороняться руками. Джейн попыталась отбиться ногами, но получив от Раисы-татарки несколько крепких пинков по коленкам и животу, обмякла и глухо стонала:

– Пусти, сука! Пусти!

– Сейчас мы посмотрим, что у тебя в ридикюле, – подняла сумочку жертвы Раиса. – Так, стилет – пригодится! Пилюльки противозачаточные французские – сойдут! Спиралька, чтобы не залететь! Презервативы американские с усиками – давно даже советских нет в продаже... Годятся! Косметика тайваньская, сигареты «Мальборо», зажигалка «Ронсон»... Да ты – б... на – не иначе как в Москву с иностранцами перепихнуться за баксы ездила, пока мы на экзаменах припухали. Точно, три сотни! Кто с такими «бабками» на выпускной вечер ходит? Только проститутки!

С этими словами татарка запустила руку в пышную прическу Джейн и принялась рвать ей волосы. В сторонке парни обрабатывали кавалера. Ему надели на голову ящик и молотили по нему какими-то тяжелыми железяками. Парень мычал, вертелся, пока ему не дали по хребту распредвалом. На упавшего на колени посыпались новые, еще более тяжелые удары. Под ящиком что-то затрещало, и молодой человек затих, вытянувшись на отбросах. Его продолжали бить. И только когда ящик развалился и под ним обнажилось кроваво-красное месиво, бывшее некогда головой, ребята поняли, что совершили непоправимое. Джейн, с которой успели сорвать золотые побрякушки, и теперь рвали лицо ногтями, дико закричала. Вырвавшись из объятий Коровы, она нанесла удар страшной силы по челюсти татарки. Раиса полетела в кучу дерьма. Джейн отскочила от опешившей Коровы и погрузила в ее половой орган острый носок туфельки. Та с воем опустилась на землю, завертелась на ней. Спотыкаясь, Джейн побежала через пустырь к спасительным улицам. Славка взвел курок самопала и вскинул руку. Треснул выстрел. Джейн, сделав несколько нетвердых шагов, упала на пепелище костра. Когда к ней подошли, по голубому платью уже перестало расплываться кровавое пятно.

– Надо же! – пробормотал Славка. – Я ей в срачень целил...

Тело перевернули на спину. В остекленевших голубых глазах убитой отражалось небо, затянутое грозowymi тучами. Трупы столкнули в воду. Туда же полетели орудия убийства и сумочка Джейн. С трудом отобрали у всхлипывавшей Раисы украшения ее жертвы.

– Твари! Пидарасы! – причитала татарка. – У меня сроду таких цацок не было!

– Ты, что, курва, под вышку нас подвести хочешь? – зло спросил Славка, забросив золото в воду, подальше от берега. – Теперь рвем когти – и молчок! Гроза сейчас будет – все следы смоем.

Середина лета прошла у Сережи в подготовке к сдаче вступительных экзаменов. Отец, видя, что с парнем происходит что-то неладное отправил его к сестре, в дачный поселок на волжских островах. Тетка и ее муж – авиаконструкторы – взялись за племяша. Физика и математика по вузовским учебникам, русский язык и литература (им занималась соседка по даче – заслуженный учитель республики) сочетались с купаниями, прогулками и рыбалкой. Загорелый Сережа приезжал на экзамен, сдавал его и, не заходя домой, уезжал на острова. Также, не заезжая домой, отправился он с родителями на базу отдыха на Кавказ, прочитав свою фамилию в списке зачисленных в институт. В Казань семья вернулась за несколько дней до начала учебного года. Снова Сережа не дошел до Верочки, повстречав у подъезда Славку и Мустафу. Мустафа поступил на вечернее отделение техникума советской торговли и днем мантулил подсобным рабочим в магазине. Славка болтался без дела.

– А зачем жопу рвать – где-то вкалывать – если через два месяца заберут в армию? – ответил он на вопрос наивного Сережи о планах на будущее.

Сереже сказали, что Шабак с Боренькой тоже не у дел – воюют с «октябрьскими». Из парней в вузы поступили только двое, из девчонок – пятеро. Остальные либо работали, либо болтались. Сказали Сереже, что «хаза» прикрыта. Ключи у Славки и Коровы забрал Рашид. Там побелили, притащили кое-какую-то мебелишку. Теперь там живут неизвестные взрослые дяденьки, а пацанам Рашид запретил даже приближаться к чердаку.

– Верно, какие-то беглые на нашей «хазе» кантуются, – предположил Славка. – А мы трахаемся в антисанитарных условиях – в теремках на детской площадке. Девки говорят, что пока тепло будут еще там давать. А пойдут дожди, сказали, – не обессудьте – не будем сраки морозить! Да и вообще, говорят, – вы еще пацаны, вам армию отбывать. А нам делом заниматься надо – семьи создавать. Словом, грусть-тоска!

– А ты опять к Верке собрался? – спросил Мустафа. – Брось, брат! Не ходи! Ее папаша чем-то перед паханами проштрафился. Теперь и его, и всю семью напрягать будут. Ты – парень наш, а они – отрезанные ломти. Им лучше из Казани уехать. Словом, велели тебе паханы от этой девки отстать – не терять свой авторитет.

– А если не отстану? – вскипел Сережа.

– Сам знаешь, что бывает с отступниками. Сначала отбучают. Если не поможет – правилку устроят.

– Что же будет с Верочкой?!

– Трахать ее, наверное, будут. Потом лицо попортят. Может, просто попугают... Не знаем, что паханы придумают. Одно скажем: отвали от нее, не ищи на свою жопу приключений!

– Да ладно! «Бабки» есть, пойдем в «гадюшнике» посидим! Там всегда можно кого-нибудь подцепить. Лярв на наш век хватит!

В «гадюшнике» – молодежном кафе, не смотря на дефицит табачных изделий в городе, висел сигаретный дым. На введенный Горбачевым «сухой закон» Казань реагировала по-своему. Когда Славка попросил бутылку минералки и подмигнул официантке, та принесла водку в бутылке из-под нарзана. Под скудную закуску троица заливала сережину утрату. Кругом были все свои – из микрорайона.

– Ты, брат, не грусти! Сейчас подберем тебе кого-нибудь. А то можно немного подождать – девки из нашего класса после работы придут. Можно будет с ними в сортире подолбиться. Там у дяди Васи – швейцара есть закуток, где он инвентарь держит. Он там диванчик поставил, за трояк пускает потрахаться. Все лучше, чем на детской площадке! А когда занято, можно в кабинке для сранья влундить. Он за это всего рубль берет. Так что не переживай! Дырку мы тебе найдем. Облегчишь яйца! – уговаривал Сережу Славка.

В кафе было полно незнакомых девчат. Они потягивали, кто – «нарзан», кто напиток «Буратино» (в этих бутылках подавали крепленое вино). Время от времени кто-нибудь из них в сопровождении ребят из-за соседнего столика направлялся к туалету. Потихоньку Сережу начало развозить. Довольные Славка и Мустафа переглянулись. Парни заказали еще одну бутылку «нарзана». Расторопный Славка перетащил из-за соседнего столика пару девчонок – вялых и циничных пететеушниц. Они уже успели сходить в туалет с ребятами из техникума, и когда те ушли, искали новых приключений. Какое-то время шел треп обо всем и не о чем. Наконец, одна – пухлая блондинка сказала Сереже: «Пойдем, что ли, в туалет». Парень не успел отреагировать на предложение. В фужер девицы, шелестя виргинским ароматом, упал окурочок, и низкий женский голос повелительно сказал:

– Иди, проссись, доченька, на дорогу! И чтобы духа вашего здесь не было!

У столика стояла Роза в окружении черной униформы. Девчонки заикали от страха, а сережина несостоявшаяся партнерша даже бзднула. Не прошло и минуты, как из словно ветром унесло. Роза по-хозяйски села на освободившееся место. На глазах у растерявшейся компании она налила себе рюмку и, лихо опрокинув ее, спросила:

– Поехали?

– К-куда? – тоже слегка икнул Сережа.

– Здесь недалеко!

– З-зачем?

– Там узнаешь. А вообще-то ты задаешь слишком много вопросов. Поехали!

– Не дергайся, сынок, не то яички отрежем! – дыхнула ему перегаром в ухо высокая косоватая девица. – Роза, этих шплинтов тоже возьмем?

– Ну их! Сегодня у нас работа. На лесбосе перебьетесь! А вы, мальчики, гуляйте! – обернулась Роза к Славке и Мустафе.

Сережу вытолкнули из «гадюшника» и усадили в стоявшее рядом такси. Еще одно рядом ждало розину компанию.

– Как всегда? – спросил водитель.

– Да, по старому адресу! – приказала предводительница.

Серезу привезли в общежитие ПТУ – обшарпанную пятиэтажку. Резиденцией розиной команды была трехкомнатная квартира со стенами, оклеенными вырезками из западных журналов – фотографиями накаченных девиц с неимоверно большими грудями. Приметил Сереза на стенах и пару мужиков с пенисами до колен. Тоже было в комнате, которую занимала Роза. Там фотографии висели вперемешку с портретами Ленина и Горбачева.

– Нравится хата? – спросила косоватая.

– Вожди-то зачем? – удивился Сереза.

– Была тут комендантша – дура идейная. Пусть, говорит, вожди видят, чем вы занимаетесь. Комендантша свое получила, отмучилась... А, вожди пусть висят – смеха ради!

– Попридержи язык! Болтаешь много! – оборвала косоватую Роза.

Серезе припомнился случай, когда зимой пропала комендантша одного из общежитий. По весне ее со следами пыток нашли внутри растаявшей снежной бабы.

– Выбирай, сынок, под кем из вождей трахать тебя будем. Под Лениным или под Горбачевым? Поскорее раздевайся! У нас на вечер мероприятие запланировано...

Не успел Сереза начать раздеваться, как Роза приказала косоватой:

– Подстегни его, Стелла!

Ремень со свистом рассек воздух и опустился на спину парня. Сереза попытался рвануться к обидчице, но другой ремень, бывший в руках Розы, прошелся по его плечам. Его стегали до тех пор, пока он не сбросил одежду. Роза скинула английскую кожаную куртку и осталась в черной кожаной жилетке, мини-юбке и высоких сапогах. Она уложила Серезу на широкую кровать и склонилась над ним... Сереза вскоре кончил с чувством ненависти к насильничавшей его девице. Роза резко ударила парня ребром ладони в солнечное сплетение.

– Вот тебе, сука, за то, что не подмытый!

Сквозь разлившуюся перед глазами синеватую пелену Сереза видел, как в комнату вошла совершенно голая Стелла. Между ног у нее висело нечто похожее на мужской половой орган.

– Разогрей его! – велела Роза.

Стелла прижалась к серезиной спине и начала тереться о нее грудью. В этот момент в лицо Серезы уткнулось что-то мохнатое, пахшее заграничными интимными антиперсперантами... После, улыбнувшись, словно в забытьи, Роза выскользнула из-под Серезы. Она блаженствовала, тяжело дыша, и поблескивая испариной. Сзади покусывала серезино плечо косоватая.

.– Пшел вон, мозгляк! – с пренебрежением ответила та.

– Розочка, можно я с ним дотрахуюсь? – попросила Стелла

– Охренела?! Этот мальчик будет трахать меня, когда я тебя трахать устану, – разъяснила ситуацию предводительница.

Парень увидел, как обтирает фаллоимитатор, которым его насильничали, Роза. Она ударила Серезу искусственным членом по лбу и засмеялась:

– Стелла, проводи это существо, чтобы его наши профуру не трахнули!

Косоватая не дала Серезе даже одеться. Грубо толкая парня, она вышвырнула его из квартиры. Пока он одевался на лестнице, услышал как щебетала в квартире Стелла:

– Розочка! Может быть, дадим нашим девочкам выпить?

– Перебьются! Нам на дело идти! В драке с похмелюги злее будут!

Качаясь, брел Сереза домой. Болела попа, слезы душили его. Впервые в жизни с ним поступили так подло и жестоко, а затем без сожаления выбросили, словно использованный презерватив. Он доплелся до своей квартиры и упал на кровать. Рыдания вырвались из его груди. Вдруг унося его собственные переживания, мозг юноши пронзила мысль:

– Как же Верочка?» Ведь с его любовью будет тоже, что сделали с ним. Ее будут насильничать жестко и цинично. А потом могут беспощадно убить. Как помочь? Как спасти Верочку?

Внезапно Сережа вспомнил, что в ящике его стола лежат две самодельные гранаты, которые ему дали Рашид и Славка. Разыскав оружие, Сережа завернул гранаты в платок. В считанные минуты он возник у верочкиных дверей. Оттуда лились звуки оперы «Порги и Бесс». Сережа позвонил. Ему долго не открывали. Наконец, выпорхнула раскрасневшаяся, с помятой прической Верочка.

– А, это – ты... – небрежно уронила она. – Тебя так долго не было...

– Верочка! Мне надо срочно поговорить с тобой!

– Сегодня ты не ко времени, родной!

– Дело очень важное и очень срочное, – впирался в квартиру Сережа.

– Сереженька, миленький! У меня гости! – пыталась преградить дорогу Верочка.

– Хорошо! Удели мне хотя бы минуту! Хоть здесь, в прихожей, хоть на лестнице!

– Будь по-твоему! Только ради Бога, быстрее! – поджала губки девушка.

– Верочка, где же ты? – капризно прозвучал из гостиной хорошо поставленный баритон.

– Кто это? – обескураженно спросил Сережа.

– Это – Александр, мой новый друг. Он – студент театрального училища. Ты знаешь его родителей, – Верочка назвала фамилии заслуженных артистов республики, ведущих актеров драматического театра, снявшихся в недавно вышедшем на экраны сериале.

– А-а-а... – рассеянно промямлил Сережа.

– Милый, мы не виделись целое лето. Я так скучала! И вдруг случайно познакомилась с Александром. Отец получил дачный участок. Оказалось, что мы соседи. Александр такой интересный! Он так много знает! С ним весело и приятно. Он уже снялся в нескольких телефильмах для молодежи. Участвует в массовых сценах в драматическом театре и в оперном.

– Как же наши отношения?

– Это – совсем другое, Сереженька! Это было детство. Оно ушло в прошлое. Теперь нам надо браться за ум – учиться. А с тобой мы останемся хорошими друзьями на всю жизнь. Хорошо?

– Конечно, Верочка! Только я зашел по делу.

– Пожалуйста, Сереженька, скорее! Мне неудобно перед Александром – мы заставляем его ждать!

– Верочка, милая моя! Сейчас идет война между районами!

– Я это знаю...

– Сейчас не щадят никого, даже девчонок! На улицах очень опасно!

– Александр сумеет защитить меня! Он такой смелый!

– Александр не всегда может оказаться рядом...

– Думаю, что теперь мы будем рядом всегда.

– Даже он не всегда сможет защитить тебя. Прошу: возьми этот пакет!

– Что здесь?

– Гранаты. Ими ты сможешь отбиться!

– Сереженька! Какой же ты еще маленький! Мальчишка, да и только! Ну, какие гранаты?

О чем ты говоришь?

– Верочка, пока не пообещаешь, что всегда будешь носить их при себе, я никуда не уйду!

– Ну, хорошо, хорошо. Давай свои гранаты, анархист! – девушка небрежно опустила сверток в сумочку. – Что еще?

– Все! Спасибо, что ты была у меня! Прощай, Верочка!

– Что ты, Сереженька! Зачем же так? Ведь мы – друзья?

– Конечно, конечно! Не утешай меня! Я сильный! Я переживу это! – поспешил к двери Сережа.

– Вот глупый! – пробормотала девушка и забыла про оставленные в сумочке гранаты.

Она впорхнула в комнату, где скучал у магнитофона Александр – вальяжный молодой человек, одетый во все американское. Верочка опустилась к нему на колени, и также, как когда-то Сереже, провела рукой по щеке.

– Кто это был? – спросил молодой человек.

– Да так... Один знакомый. Молодой дурачок!

– Извини, Верочка! Сейчас мне надо бежать! В семь спектакль в драмтеатре, я в нем занят. Правда, в последнем акте, но пока загримируешься, оденешься...

– Ой, как интересно! А что сегодня в «Драме»?

– Мутота – «Фронт» Корнейчука. Агитка советская... Но платят, а главное – известность у публики. У меня через полтора года выпуск. Сегодня не приглашаю. Вот послезавтра у нас «Утиная охота». Видела? Сходи! Я оставлю тебе контрамарку. Словом, послезавтра заскочу за тобой часиков в пять. Посмотрим театр, а потом посидим в кафе ВТО.

– Ой, Сашенька, как здорово! А завтра мы увидимся?

– Завтра, Верунчик, у меня сценическое движение. Преподаватель такой зануда! Гоняет нас, как старшина в армии. А пропустить нельзя – напакостит. Ну, пока! До послезавтра.

Однако послезавтра не наступило. Вечером следующего дня к ехавшей на трамвае Верочке подсел парень.

– Пойдем, крошка, развлечемся! – небрежно бросил он, обдав девушку запахом дешевого вина.

Оторвавшись от книги, Верочка заметила, что за ее спиной плюхнулись на сиденье еще двое парней.

– Ну что ты выпендриваешься, фря? – впились в лодыжку Верочке парень. – Сейчас наша остановка. Хата свободна, выпить есть. Отрывай жопу от лавочки!

– Уйди! – попыталась оттолкнуть парня Верочка.

– Я тебе уйду! Пошли! – уже за руку схватил парень Верочку и потащил ее на себя.

– Что, пристаёт? – участливо спросил один из сидевших сзади. – Ты не бойся! Мы тебя проводим!

– Ребята, не надо меня провожать! Только уберите его! – попросила Верочка.

– Нет, мы проводим! Проводим! – Верочку подхватили и поволокли к дверям.

– Товарищи! Помогите, кто-нибудь! – крикнула Верочка.

Товарищи уткнулись в книжки с газетами и «оглохли». Упиравшуюся Верочку уже подтащили к дверям.

– Шеф! Торомозни! – приказали парни водителю.

Плачущую Верочку вытолкнули из вагона и поволокли в парк.

– А ты – сладкая! Не бойся – мы тебя только оттрахаем. Мучать не будем! – гоготали парни.

– Что такое?! – возвысил голос выходивший из парка пенсионер с орденскими планками на груди.

– Не лезь, дед! Видишь – девка перепила – писать и блевать хочет! – ответили ему.

– Дедушка! Умоляю вас: помогите! – обратила к старику Верочка залитое слезами лицо.

– Канай отсюда, дедок! Не вмешивайся! Пьяная она, пьяная! – как зверь оскалился на старика один из насильников.

– Черт вас разберет! Перепьются, а потом не знают, что выдумать! – бормотнул дед и быстро заковылял от греха подальше.

Получив пощечину, Верочка упала на колени. Потерял равновесие и выпустил ее парень. Девушка сумела выскользнуть из кольца. Она рванулась к выходу. Парни догнали ее. Верочка вспомнила о сережином пакете. Она выдернула его из сумочки, впилась в одну из гранат.

– Б... ский род! – отпрянули от нее парни.

– Отойдите! Прочь с дороги! – закричала Верочка, рванув какой-то стерженек на гранате.

В тот же миг вспышка ослепила ее. Верочка не почувствовала боли. Вылетевший из разорвавшейся гранаты болт вошел ей в глаз, и разрывая девичью грезы и несбывшиеся мечты, впился в мозг. Охваченная пламенем, уже мертвая Верочка упала на траву. В это время рванула от детонации вторая граната, окутав место гибели девушки мерзким, зеленоватым дымом.

Серезу подняли с постели среди ночи. Его привезли на «воронке» в городское управление внутренних дел. Молодой человек с жесткими, остекленевшими глазами усадил Серезу перед собой и сообщил, что разговор будет долгим. Он начал задавать вопросы, касавшиеся интимных отношений Серезы и Верочки. Сереза почувствовал, что произошло что-то страшное.

– Где вы были сегодня, вернее, уже вчера между семнадцатью и двадцатью часами? – спросил молодой человек Серезу.

– В библиотеке института, – ответил тот.

– Вас там видели?

– Не только видели, но и есть документальное подтверждение. У нас в институтской библиотеке автомат пробивает время получения и сдачи книг в читальном зале.

– Были ли у вашей приятельницы и ее семьи враги?

– Что-то случилось с Верочкой? – спросил Сереза, ощутив тошноту.

– Отвечайте на мои вопросы по существу! – прервал его следователь. – Так, были враги или не было?

– Не знаю! Что с Верочкой? – упорствовал Сереза.

– Плохо с твоей Верочкой! Вот, что от нее осталось! – следователь бросил на стол фотографии до неузнаваемости обгоревшего трупа.

– Нет! Это – неправда! Откуда вы взяли, что это – Верочка?

– Вот ее туфельки! Такие – одни на всю Казань! Канадские! Мать первоначально по ним и опознала. Когда в Москву, в командировку ездила, купила там в комиссионном. Триста рублей отдала... – следователь бросил на стол розовые остроносые туфельки, купленные для Верочки к выпускному балу.

– Мало тебе? Вот, ее сумочка. Узнаешь? Правда, несколько обгорела. Вот, ее студенческий билет, вот паспорт. Все это было в сумочке, найденной неподалеку от тела. Так, были враги или не было?! Давай, рассказывай! Помоги нам!

– Не знаю! – выдохнул Сереза и упал в обморок.

Очухиваясь, Сереза услышал обрывки разговора:

– Нет, товарищ майор! У парня стопроцентное алиби. Следов пыток, повреждений костей, внутренних органов экспертизой не установлено. Так точно, товарищ майор, еще со школы состояли в интимных отношениях. Ожоги на теле потерпевшей вызваны боевыми зажигательными веществами. Смерть наступила мгновенно, как показали результаты вскрытия. Болт в мозгу, отсутствуют пальцы на обеих кистях рук.

– Так, это – не убийство! Это – гибель в результате несчастного случая! Ежу понятно! Зачем парня манежите?

– Хотим выяснить: откуда у погибшей оказались взрывчатые вещества? Может быть удастся выйти на тех, кто стоит за спиной враждующих молодежных группировок...

– Слушай, старлей (старший лейтенант – авт.)! Ты, что не знаешь, как дела делаются? Несчастный случай – нет виновных! Закрывай дело! Парень, кажется, приходит в себя. Сестра! Ты чего клювом щелкаешь? Помоги парню! Придет в себя – извинитесь и доставьте домой! – закончил разговор майор.

Прежде чем медсестра начала похлопывать Серезу по щекам, он понял, что продержаться осталось недолго. Молодой человек принял решение упорно отказываться от дачи каких-либо показаний. Ведь скажи он лишнее – преступный мир расправится с ним также, как в свое время расправился он с Илюхой-студентом.

– Так были враги или не было? – попытался гнуть свое следствие.

– Не знаю... Верочка мне ничего не говорила... Плохо мне, товарищ следствие. Отправьте меня домой! У меня такое горе...

– Ладно, домой тебя я отправлю. Если что-нибудь вспомнишь – немедленно приходи ко мне! Смерть наступила в результате несчастного случая – самопроизвольного разрыва самодельной гранаты. Откуда у нее взялась эта граната? Не знаешь?

– Не знаю! Ничего я не знаю! Отпустите меня! – зарыдал Сережа.

– Да, парень! Если бы не начальство – раскрутил бы я тебя. Нутром чую – имеешь ты к взрыву отношение. Ну да ладно! Не пойман – не вор. Мне работы меньше!

Старлей налил Сереже водички. Сестра сделала парню укол и дала успокоительную таблетку. Затем его загрузили в «воронок» и отвезли домой. Сережа едва доплелся до кровати. Не отвечая на вопросы родителей, он, не раздеваясь, рухнул на нее и заснул тяжелым наркотическим сном.

Проснулся Сережа золотистым сентябрьским утром. Еще неважно соображая, прошел в туалет. Выйдя оттуда, жадно прильнул к кувшину с водой. Осушив его до дна, закурил. Что-то тяжелое, как свинцовая грозовая туча, повисло в его мозгу. Тяжесть разрасталась, давила на нервные клетки. И вдруг, подобно молнии, полыхнула ярким, синеватым светом:

– А ведь гранаты – мои! Я своими руками убил Верочку! Я – убийца!

Обморок сменила давящая пелена депрессии.

Хоронили Верочку на Северном кладбище. У авиа-объединения там была своя площадка для руководства. Из белого с черной полосой автобуса вытащили розовый в оборках гробик, и покатали на тележке к могиле. Золотясь на солнце, падали на крышку гроба и помпезно-убогие памятники желтые и красноватые листья. За гробом шли родители, приехавшие из Елабуги родственники, друзья и сослуживцы родителей. Пришла делегация от студентов, немного бывших одноклассников. Корячась, тащили юноши венки из соснового лапника. Проплыло несколько венков из бумажных цветов. Несли охапки гвоздик и выращенных в теплицах объединения белых кал. У свежeverытой ямы поджидали красномордые, полупьяные могильщики. Гробик переставили с тележки на обитый черно-красным искусственным бархатом постамент.

– Не открывать крышку! – запретил представитель МВД в штатском.

– Доченька моя, ненаглядная! – упала на гробик мать Верочки. – Не могу я в последний раз посмотреть на твое личико!

Завыли нанятые по такому случаю бабы. Завсхлипывали девчата из института и школы. Родители Сережи стояли рядом с кусавшим губы верочичным отцом.

– Не надо речей! – тихо сказал он заместителю секретаря парткома, доставшему было бумажку с отпечатанной на машинке прощальной речью.

– Какие будут распоряжения? – участливо склонился к отцу заместитель генерального директора по быту.

– Раз нельзя открывать крышку – хороните скорее! – попросил тот.

Помощник кивнул бригадиру могильщиков. Молодцы подхватили гробик и опустили его в могилу. Застучали по крышке комья глины. В несколько минут над останками Верочки вырос холмик, который усыпали цветами.

– А теперь прошу всех проехать в ресторан «Москва», помянуть нашу бедную девочку! – утерев слезы, сказал верочкин отец.

Славка, Шабак, Мустафа и Борис потянулись со всеми к автобусам. Однако они увидели, что кладбище заполняется ребятами из микрорайона. Появился Рашид.

– Не торопитесь! – приказал он. – Сейчас Галим и другие господа приедут. Верку помянуть будем.

– Как же так? Ее папаша, вроде, паханам не угодил, – встрял Шабак.

– Папаша не угодил, но дочь убили другие – октябрьские. Папашу, коль у него такое горе, простили. Где Серега саратовский? – обернулся Рашид к Славке.

– Он, вроде как, чиканулся. В психушке лежит...

Молодежь окружила верочкину могилу. Из подъехавшего к ней микроавтобуса вынырнул Галим. Он влез на постамент для покойников и обратился к толпе:

– Сегодня похоронили нашу девчонку, убитую октябрьскими. Мы должны отомстить за нее! Кровь за кровь! Война с Октябрьским районом будет не на жизнь, а на смерть! Завтра в Молодежном центре дискотека. Мы все должны придти туда. Освобождаются только больные и отсутствующие в городе. Места сбора – прежние. Взять все имеющееся у каждого оружие!

– Опять разборки начинаются! – завыл Шабака

– Заткнись! – ткнул его в бок Славка.

Из микроавтобуса между тем выставляли ящики с самогоном, разбавленным гидролизным спиртом. Сбивались в кучки. Выпивали, утираясь рукавами. Табачный дым завился над могилами. Появились первые опьяневшие. Кое-где начали вспыхивать ссоры.

– Хватит! – скомандовал Галим. – Поминки окончены! Теперь все по домам!

Уехал автобус. Молодежь, предводительствуемая старшими, выстроилась в колонну и двинулась к кладбищенским воротам.

– Моя милка спит в гробу, а пристроился – е...у. Нравится – не нравится – спи моя красавица! – затянули несколько пьяных голосов.

– К нам под окна привезли, поставили покойника. А у покойника стоит аж до подоконника, – ответили с другого конца колонны.

Так с частушками и гоготом вывалились с кладбища.

– Слава Богу! В этот раз могилы не крушили и посетителей не трогали, – перекрестился вылезший из своей будочки кладбищенский сторож.

– Подбрось нас, шеф, на улицу Десять лет Октября! – велели водителю рейсового автобуса, остановившегося на конечной остановке у кладбищенских ворот.

– Ребята! Автобус идет по маршруту. Я не езжу в этот район! – попробовал возразить шофер.

– Я тебе сейчас по репе проеду! Вези, козел! – рявкнул Рашид.

Почти все оставшиеся на кладбище вбились в двойной «Икарус». Без остановок водитель доставил компанию в указанное место. Порезав обшивку сидений, и исписав панели салона матерщиной, парни разбрелись кто куда.

– Привет, Коровище! – бодро заговорил Славка, набрав из телефона-автомата номер Тамары. – Приходи на наше место! Посидим, побалдеем, водочка есть...

– Знаю я твою водочку! Опять, как в прошлый раз, напоишь денатуратом. Я с нее всю ночь блевала! И балдежь я твой знаю – снова сосать заставите. Да еще согнувшись, в детском теремке!

– Да брось, Тамара! Верку, вон, похоронили. Помянуть надо! Как-никак – наш товарищ по классу. Сереги – друга нашего девочка была...

– Кто кроме меня будет?

– Мустафа, Расиа-татарка, Шабака, Борис, Зоя-тихоня, Иринка... Словом, все наши.

– Ладно, сейчас спущусь на площадку.

– Одну нашли! Я пойду встречать, а ты звони Раисе, – сказал Славка Мустафе, повесив трубку.

Приползла и Раиса-татарка. В избушке на курьих ножках расстелили пластиковую пленку. Славка вытащил пару значенных на кладбище бутылок самогона. Принесла несколько соленых огурчиков и маринованных помидоров Корова. Притащила хлеб и конскую колбасу Раиса. Пошел по кругу стакан, украденный из автомата по продаже газированной воды. Выпили за упокой верочкиной души.

– Сука! – рявкнула Корова. – Ты меня опять вместо водки какой-то гадостью поишь!

– Ну что ты, Тамарик? Точно – водка! Сам в кабаке «Москва» покупал. Да ты выпей еще – распробуй! Давайте за Серегу выпьем! Чтобы его в психушке не шибко лечили! Они умеют из нормальных людей психов делать.

– Б...! Ну, – чистая самогонка! – не унималась Корова, выпив вторые полстакана.

После третьей порции она сама зашебаршила у Славки в ширинке.

– Скотина! Ты когда хрен свой вонючий начнешь мыть? – строго спросила Корова Славку.

– Ты соси, соси! Это – ничего, – скороговоркой ответил тот.

Рядом проделывала тоже самое с Мустафой Раиса-татарка.

Потом Славка предложил прошвырнуться на набережную, купить водки у промышлявших там таксистов. Корова пыталась отнекиваться, что поздно и опасно, но «общество» заставило пойти и ее.

На набережной, ставшей уже пустынной, стояли две «Волги» с зелеными огоньками. Около одной из них торчала пара парней и девушка. Они торговались с водителем из-за водки. Второй шофер – дюжий детина – стоял чуть поодаль, подстраховывал товарища на случай нападения.

– Да брось ты, шеф, в натуре! Давай по двенадцать «рваных» за бутылку! – сбивал цену один из парней.

– У меня только две осталось. Я на бензин больше потрачу, пока за новой партией съезжу! – упорствовал таксист.

– Годится, шеф! Даю пятнадцать! – перебил торг Славка.

– Отчаливай, шнурок! – небрежно бросил один из покупателей.

– Еще чего! Здесь – наше место! – начал нарываться на драку Славка.

– Срыгни отсюда, детка! Иди – лимонада попей! – опустил руку во внутренний карман куртки парень.

– Ну вас на хрен, молодежь! – сказали шоферы и быстро уехали.

– Что, гондон ушастый, допрыгался? Ни себе, ни людям! – парень выдернул из кармана обрезок металлической трубы.

Славка и Мустафа выхватили из карманов велосипедные цепи. Бросились на девицу Корова с Раисой. Однако противники оказались не из слабых. Они лихо наносили удары трубами и ногами. Даже верткому Славке пришлось нелегко под градом ударов. Мустафу спасала только цепь, натянув которую между рук, он отражал удары. Противники оттеснили Славку и Мустафу к воде. Крепко досталось и девчатам. В руках их противницы тоже оказался обрезок трубы, которым она отделала Корова, разорвав на ее спине розовую куртку. Раиса, получив сокрушительный удар ногой в грудь, покатила по асфальту. Когда она поднялась, увидела поверженную Корова, которую девица лупила трубой. Выдернув из ножен стилет, отобранный в свое время у проститутки Джейн, Раиса устремила на помощь. «Счас, курвь, и ты у меня получишь!» – отпихнула ногой девка вывшую Корова. От первого удара Раиса увернулась. Второй удар опрокинул ее. Девка впила татарке рукой в волосы, поставила на колени, чтобы было удобнее бить. Прикрыв левой рукой голову, Раиса со всей силой ударила девку стилетом под сердце.

– Получай, лярва! – прохрипела она.

Девка качнулась, потом на секунду застыла и повалилась как сноп, передернувшись судорогой. Заметивший это парень на секунду перестал лупить Славку. Тому было этого достаточно. Велосипедная цепь с прикрепленным увесистым замком обвила голову парня, проломив ему височную кость. Еще одно мертвое тело шмякнулось об асфальт. Третий противник рванул в сторону. Мустафа в прыжке догнал его и сбил с ног. Парень выронил обрезок. Мустафа схватил его и принялся обеими руками давить на горло парню. Тот обмяк, закатил глаза, захри-

пел. Высунув язык, противник сучил ногами, пытался руками оттолкнуть Мустафу. Но тот, озверев, душил врага, пока он не затих. Подняв Корову, Раиса потащила ее домой. Их догнали Славка с Мустафой. В руках у них были паспорта убитых.

– Гляди-ка! Повара с Макаром мы замочили! Авторитетные мальчики в Октябрьском районе были, – шепнул Славка Мустафе.

– Твари! Козлы позорные! – запричитала Корова. – Чтобы я хоть еще раз связалась с вами?! Не смейте мне больше звонить! Ой, как спина болит! Ой, что же она – б... ща со мной сделала!

– Давай, Тамарик, посмотрим твою спинку! – предложил Славка.

– Отстань от меня! Детский сад! Оставьте меня в покое! Не играю я больше в ваши игры! – потопала в подъезд Корова.

– Пойду, провожу Раису, – сказал Мустафа.

– Да-а, компания распалась окончательно, – протянул им вслед Славка.

Полутемными дворами Мустафа проводил Раису к ее дому.

– Вай, е... твою мать! – взвизгнула Раиса по-русски. – Я, б..., стилет в этой сучаре оставила! Вай, что будет! Вай ссать хочу!

Раиса забежала за кусты, и Мустафа услышал громкое журчание.

– Вай, Мустафа! Вай, дорогой! Сделай что-нибудь! – заскулила Раиса, выйдя из кустов.

– Вот, твой стилет! – протянул оружие Мустафа. – Вытащил я его из тела...

– Все равно плохо! Найдут трупы – что будет?

– Не найдут! А если найдут – будет это не скоро. Мы их в канализационный люк скинули.

Такой химией оттуда несло! Славка сказал, что в этой канализации не говно, а всякая едкая химия течет. Из фото-объединения «Тасма» ее сбрасывают. Когда трупы найдут – кислота разъест их до неузнаваемости. Уже когда мы их опускали в эту гадость – их разъедать начало. С мужиками, что стало, не видно было, а девка сверху оказалась. На наших глазах у нее все волосы растворились – совсем лысой стала. Не переживай!

– Подожди! Я еще схожу поссу, – с облегчением выдохнула Раиса.

Снова Мустафа услышал журчание, а когда девушка вышла, протянул ей пачку сигарет «Космос» и предложил:

– Пойдем, потрахаемся!

– Нет, Мустафчик! – ответила девушка. – Я с вами сегодня тоже в последний раз ходила. Родители нашли мне жениха. Он – наш, татарин. В Набережных Челнах, на КАМАЗе инженером пашет. Уже часть калыма уплатил. Мне теперь надо вести себя порядочно. Да и тебе, я слышала, невесту подыскали. Что же ты на какой-то деревенской засыхе женишься?

– За деревенскую калым платить не надо. Мой отец все, что зарабатывает – пропивает. Держимся только на том, что мать в дом приносит. Доход у нее, конечно, приличный – штука, а то – две в месяц. Но нас шестеро, да еще родители отца. А какие у них пенсии? По шестьдесят рублей в месяц. Вот и кормит мать одна восемь человек. Нет денег на калым! А матери помощница по хозяйству нужна. Я – самый старший, а братишки-сестренки – еще несмышленишки. За дедом и бабкой к тому же ходить надо. Бабка почти ослепла. Дед только одним глазом видит. Они работали в объединении «Оргсинтез». Хватили как-то метилового спирта... Оба давно на инвалидности. Отца ты знаешь. Он – тихий. Единственно, когда перепьется – ссытся, как ты сегодня... Словом, нужна матери помощница...

– Вот, помощницу и трахай бесплатно! За мной больше не ходи! Братья узнают – бешбармак из тебя сделают! Прощай Мустафа! Да поможет тебе Аллах!

4

На следующий день собрались у Молодежного центра. Там проводилась дискотека. Внутри что-то мямлил перепуганный диск-жокей. Выламывались под джаз «залетные» из других районов. Беспокойно озираясь, бродили около центра постовые. Они старались определить: когда же начнется, чтобы вовремя унести ноги и запереться в своей комнатке в подвале центра. Там, за стальными дверями они были в безопасности. Оттуда уже бы позвонили в городское управление и ждали исхода боя. Из управления в таких случаях присылали несколько «воронков», куда определяли отбившихся от основной массы. Ждали на подходе к Центру кареты «скорой помощи» и спецмедслужбы. В них увозили перепившихся и трупы.

Толпы собирались в примыкавшем к Молодежному центру парке. Шли по кругу бутылки, вился дым, в котором чувствовалась примесь наркоты. Наконец, Галим увидел, что все в сборе. Он приказал Рашиду запустить кого-нибудь с улицы Десять лет Октября на освещенную площадку перед входом на дискотеку. Вызвались идти Славка, Мустафа и Шабака. Хлебнув для куража по стакану дешевого портвейна, они начали выдрючиваться на площадке под музыку, доносившуюся из здания. Постовые шагнули, было, к ним, но увидев множество сигаретных огоньков по обе стороны от Центра, поняли, что сейчас начнется и быстро ретировались. Со стороны «октябрьских» к площадке направилась группа, человек шесть-семь. Краем глаза Славка увидел, что за ней потянулась вся мириада огоньков. «Сейчас начнется», – сказал Славка друзьям, запуская руки в карманы плащовой курточки. Он намотал на руку конец цепи. Другой нащупал в кармане гранату. Группа «октябрьских» тоже заизвивалась на площадке, педерестично обнимая друг друга и идя на сближение со славкиной компанией. У ребятишек подозрительно оттопыривались карманы курток. «Не иначе – обрезки труб», – подумал про себя Славка. Противники матерились, зорко следя друг за другом. Приблизясь на метр, один из «октябрьских» резко выбросил ногу, стараясь зацепить Славку. Тот увернулся, и выхватив цепь, стегнул ее по ноге. Заработали цепями Мустафа с Шабакой. Противники отпрянули. Заковылял парень, пытавшийся ударить Славку. На него опустились сразу три цепи и он, рухнув, затих. Рванулась к троице лавина «октябрьских». Три гранаты взорвались у нее под ногами. Хлопки гранат перекрыл топот сотен ног. Через головы славкиной команды в «октябрьских» полетели гранаты. Те заматались, израненные и ослепленные. По их головам, рукам, спинам загуляли цепи, обрезки труб, металлические прутья, колья. Слабое сопротивление противников было окончательно подавлено высадившимся из микроавтобуса десантом под командой Розы. Он ударил во фланг «октябрьским» разя их нунчаками и приемами карате. С воем покинули «октябрьские» поле сражения. Их преследовали, ловили поодиночке, били до потери сознания. Славкин обидчик поднялся, ткнулся в стеклянную дверь дискотеки. Предусмотрительный диск-жокей запер ее и теперь с бледным милиционером наблюдал сквозь стекло за развитием событий.

– Откройте, падлы! – завопил парень.

В этот момент злопамятный Славка настиг его и с силой ударил лицом в стекло. Парень завыл. Из-под впившихся в лицо осколков потекла кровь. Так и выл он с воткнутым в стекло лицом, тряся крутым задом, в который Славка воткнул длинный осколок. А на окраине Октябрьского района заканчивался бой. Схватили пару девок, верховодивших в районе и теперь гоняли по парку двадцатилетнего матроса Крыжана. Его блокировали человек тридцать. Рашид со славкиной компанией пошел на перехват снизу по лестнице, ведущей к реке. На лестнице слышался топот и крики: «К реке его гони!» Вдоль лестницы слышался шелест травы и треск ломаемых сучьев. Крыжана гнали вниз, в объятия Рашида и компании. Тот даже успел закурить. На верхней площадке появился молодой человек в матросской форме. Он резко затормозил, увидев поджидавшую его кодлу.

– Иди сюда! Не заставляй нас ждать! – потребовал Рашид.

С тоской посмотрел матрос наверх и вдруг с криком:

– На, курва! выбросил вперед руку.

Яркая вспышка ослепила стоявших внизу. Разрывая барабанные перепонки, парней оглушил грохот. Белый едкий дым заполнил глаза и горло. Что-то горячее и тяжелое толкнуло Славку в грудь. Падая, он заметил, как валится на спину Рашид. Упав, Славка увидел промелькнувшие над ним форменные матросские ботинки. Он не успел подняться. Десяток ног протопал по нему. С гогом и свистом продолжали гнать матроса. Выползли из кустов Мустафа и Шабака. Только Рашид продолжал лежать на дощатой площадке в щепке и обломках досок. В свете уцелевшего фонаря парни увидели, что тот мертв. Куртка и рубашка старшего были залиты кровью. Острый, как бритва, осколок разрезал горло Рашида, выпустив из него жизнь.

– Повезло, что Рашид стоял передо мной – а то этот осколок был бы моим, – подумал про себя Славка.

– Поймали! Поймали! – кричали внизу. – Розка взяла!

Таща мертвого Рашида, компания спустилась вниз. Там в окружении розиной «униформы» стоял матрос. Руки его уже были связаны ремешком, под обоими глазами чернели синяки. Весть о пленении вражеского вожака, словно по телеграфу, дошла до Галима. Вскоре по петлявшей по склону дорожке подкатил микроавтобус.

– Что, козел позорный, спекся? – злорадно спросил Галим.

Матрос молчал, выплевывая выбитые зубы.

– Что с ним делать? – задала вопрос Роза.

– Вешать! Только вешать! – ответил Галим.

Матроса подвели к дереву. Косоватая Стелла накинула ему на шею обрывок провода. Крыжан тяжело, дыша смотрел на толпу. Его поставили на подтащенную лавочку, закрепили провод на толстом суку дерева, стянули форменные клёши и трусы.

– Да у него сифилис! – выдохнула Стелла.

– Сейчас я его полечу, ответила Роза, погружая сигарету в поблескивающую при свете фонаря ссадинку.

– А-а-а! – завопил матрос и, попятившись, соскользнул с лавочки.

Крик сменился хрипом. Крыжан засучил ногами. Из глаз потекли слезы, а из сифилисного члена – моча. Прописавшись, матрос затих.

– Одно мероприятие окончено. Пойдем на следующее! – приказал Галим.

В другом конце парка тем временем насиловали пойманных девок. Когда Галим с толпой и телом Рашида прибыли туда, девками уже насытились. Обалдевшие от стресса девки сидели, прижавшись друг к другу, в луже крови, спермы, собственного секрета.

– Кто еще хочет их трахать? – спросил Галим.

– Я еще не трахался! – ответил Шабака и повалился на ближнюю девку.

Та уже не сопротивлялась, а только стонала. Из микроавтобуса притащили канистры. Подождав, когда Шабака слезет с девки, Галим полил ее и подругу из канистр. В воздухе запахло бензином. Галим швырнул в девушек окурки. С визгом девки превратились в костер. Визжа и воя, катались они по траве, пока не превратились в бесформенную, обугленную груды.

– Мы отомстили «октябрьским»! – провозгласил Галим. – Теперь они подчинятся нам! Рашид может спать спокойно! Мы рассчитались и за него, и за девчонку!

Рашида похоронили тихо, без помпы. Завернутое в ковер тело, на которое положили шляпу с узкими полями, вытащили из квартиры и погрузили на катафалк. Также быстро и тихо похоронили на татарском кладбище и помянули в национальном ресторане. Перед Галимом теперь стояли другие задачи. Прокуратура возбудила уголовное дело. Начали таскать по допросам участников побоища. Мало того, оказалось, что одна из казненных девок была поражена гонореей, и четверть сотни ее насильников заизвивалась в муках. Всех больных было необхо-

димо определить на лечение. Но лечить надлежало тайно – не в диспансере, связанном с милицией, а у доверенных врачей, платя им большие деньги. Как можно больше парней следовало удалить из Казани.

Завертелся Галим. Неуютно почувствовали себя руководители преступного мира и их партийные покровители. Хотели сначала отдать на «съедение» ментам Славку, Мустафу и Шабаку. Но потом решили, что парни боевые и могут пригодиться. Вызвав к себе Славку, Галим вручил ему несколько «десяток»:

– Вот тебе «стольник». Погуляйте в Москве! На обратную дорогу добудете там сами. Ну а штуку нам вернете!

– Где же мы штуку возьмем, Галим?

– Москва – город большой. Много там всяких раздолбаев со всей страны... Человек с головой всегда сможет заработать в столице. Раскиньте мозгами! Не только должок нам вернете, но и по ресторанам погуляете. В Казань в кожаных шмотках вернетесь. Да что там кожа?! Видюшники привезете! Словом, недельки две-три погуляйте!

– Ну, Шабака и я не работаем, а как быть Мустафе?

– С его начальством мы договоримся: свои люди – татары. Надо, ведь человеку погулять перед свадьбой? Вам, чтобы весело было, дадим еще пару человек в компанию: Салаха и Шизика.

– Галим! Я их знаю! Они везде пакостят! Не нужны они нам! И сами обосрут, и нас обдрищут! Кроме того, пахать за них придется, а доход – поровну...

– Правильно говоришь! Доход поделите поровну. Эти люди заслуги имеют. Из колонии только что откинулись. Надо чтобы этих ребят менты снова таскали, дело им шили? У них и так все нервы издерганы. Да ты не бойся: «бабки» на дорогу они уже получили. Сейчас тебе делиться с ними не придется. А в Москве на всех хватит! Вот, тебе записочка к кассиру на вокзале, чтобы билет продал на сегодня. Бывай!

Славка быстро спроворил билеты по галимовой записке. Обошел своих и «помощников» – Салаха и Шизиком. Они, едва разместившись в плацкартном вагоне фирменного поезда «Татарстан», сразу объявили Славке с товарищами, что те будут у них «шестерками». Для начала велели Мустафе с Шабакой постелить им, а сами пошли «покушать» в вагон-ресторан. После того, как постели были готовы, послали самого младшего по положению Шабаку купить кое-какой снеди в купе-буфет. Тот принес скромную закуску: отварные яйца, хлеб, кефир, соленые огурцы. Жахнули по пиале самогона, припасенного Славкой.

– Да-а-а, братва, – протянул Шабака. – Вместе с нами едет Роза со своей командой. В вагоне-ресторане сидят. Салах с Шизиком вьются вокруг них. Но их дело – тухлое. Пацаны они для Розы, шантрапа, мелочь! Розе нужны мужики солидные, с деньгой. Да и то для того, чтобы подгрabить. А так ее больше девчонки интересуют...

– Розка, небось, в столицу в мундире с орденами ломанулась? – зевнув спросил Славка.

– Что ты! Вся компания в тряпках, как у артисток! Шустрят возле них грузины залетные. Их, наверное, и кинут... Надо нашим «хозяевам» намекнуть, чтобы отвалили от греха подальше, – рыпнулся было Шабака.

– Хрен с ними! – остановил Славка. – Их проблемы – это их проблемы. Хватит того, что вместо отдыха и отключки перед армией мы у них в лакеях ходить будем! Как бы нам в Москве от этих пидоров отделаться?

В вагоне-ресторане, между тем, начали накаляться страсти. Сорокалетняя эффектная официантка, положившая глаз на денежных грузин, мрачно смотрела на Розу. Ища к чему придрасться. Смотрели на гостей с Кавказа Салах и Шизик. Кутаисец Валико, выгодно продавший в Казани партию только что вошедших в моду ажурных колготок, потчевал Розу принесенным в вагон-ресторан собственным коньяком. Рядом со Стеллой, нацепившей затемненные очки развалился его компаньон Реваз. В карманах у приятелей лежало по пятьдесят тысяч руб-

лей. Удача улыбнулась им в Казани и в другом отношении. Удалось купить партию долларов у приехавших с зарубежных гастролей артистов цирка. И взяли-то по-божески: один к шести. По тысяче «зеленых» грели сквозь бумажники сердца компаньонов. Третий их товарищ, пожилой Кукури, устал. Он сказал, что перекусит икоркой с осетриной в купе вагона-люкс, где ехал один.

– Мне надо немного подремать. Когда найдете девочек, скажите мне! – попросил он.

Грузины давно приметили вошедшую в их вагон компанию эффектных красивых девчат. Как только те впорхнули в вагон-ресторан, торгаши последовали за ними, прихватив коньяк из личных запасов. Проводнику дали пару червонцев, чтобы тот тихо сидел в своем купе и не путался под ногами – не мешал. Фирменный поезд шел с малым числом остановок, а билеты в вагон-люкс продавали только в Казани и Москве, причем только по брони. В то время как другие вагоны были забиты пассажирами, этот шел практически пустой. Единственным неудобством для проводников вагона-люкс было то, что надлежало ждать закрытия вагона-ресторана. Лишь после этого они могли запереть двери в свой вагон и обрести покой от пассажиров.

Не дождавшись установленного часа закрытия, официантка сказала клиентам:

– Поздно уже! Закрываем! Прошу рассчитаться!

– Еще полчаса времени! Когда положено закрывать?! – взвизгнул кто-то из девчат.

– Поговори у меня, сикуха! Враз на ближайшей станции за распитие спиртных напитков высажу! – оборвала ты начавшая нарываться на скандал официантка.

– Зачем ссориться? Пойдемте, посидим у нас в купе! Есть коньяк, икра... все есть! – пригласил Валико. – Сколько с нас?

– Тридцать шесть рублей, восемь копеек, – сквозь зубы выдавила официантка.

– Здесь – сорок. Сдачи не надо! – бросил на стол четыре «десятки» Реваз.

Не поблагодарив за чаевые, официантка начала убирать со стола. Недобро сузились глаза Розы.

– Эту к нам в купе, когда с грузинами разделяемся!» – шепнула она одной из девчат и обратилась к официантке: – Что же вы, голубушка, так некультурно работаете?

– Давай-давай, топай! Не ищи неприятностей! А то позову милиционера, сопровождающего состав – тогда порыдаешь! – оборвала ее официантка, и обернулась к Салаху с Шизиком. – А вы, молодежь, долго еще сидеть-рассиживаться будете?

Те быстро рассчитались и прошмыгнули в тамбур. Следом выкатились розыны девчата. Салах и Шизик подождали, когда Роза окажется рядом с ними.

– Та – как француженка! – схватил Розу за руку Салах.

– Не мешай работать, урод! – шепнула та ему.

– В каком вагоне ты едешь? – не захотел понять Салах.

– Молодой человек! Иди проспись! – сказал ему Валико.

Салах почувствовал, как в спину ему уперлось что-то жесткое. Шизик увидел пистолет, приставленный к спине Салаха. Он не дал приятелю возмутиться.

– Все в порядке, командир! Сейчас слиниваем! – бормотнул он.

Осторожно, бочком друзья выскользнули из тамбура и отправились на свои места. Там Салах достал из сумки шприц и ампулу, содержимое которой вколол себе и Шизику. До Москвы приятели забылись тяжелым наркотическим сном.

Тем временем в купе Валико и Реваса стаканы наполнялись коньяком «Греми».

– Давайте выпьем за наших прекрасных дам! – поднялись с диванов Валико и Реваз.

– А мы пьем за мужчин, умеющих защитить женщин! – подняла свой стакан Роза.

– Ребята, что вы сказали тем ублюдкам? – выпив спросила Стелла.

– Просто, пожелали им спокойной ночи, – усмехнулся Валико.

– Каждый мужчина должен уметь постоять за себя и за свою женщину! – занудил слегка охмелевший Реваз.

– Как это интересно! – прижалась к нему Стелла.

– Мы – грузины – настоящие мужчины! Мы никогда не даем себя в обиду! Обидели – должен обязательно рассчитаться! Неправ человек – должен обязательно доказать ему, что он неправ! Для этого – у всех нас ножи, а многих – даже пистолеты. Не доказал человеку, что он неправ – ты не мужчина!

– А у тебя есть пистолет? – стала тереться о Реваза Стелла.

– У меня все есть!

– Приятного аппетита! – возникла в дверях фигура проводника.

– А-а-а, дорогой! – брезгливо поморщился Валико. – Как дела? Как работа?

– Да, ничего... – промямлил проводник, тоскливо глядя на бутылку коньяка.

– На! Здесь наша грузинская чача, – протянул проводнику поллитровку Реваз. – выпей со своим товарищем!

– Премного благодарен! Что-нибудь нужно? – спросил проводник, принимая дар.

– Ничего не нужно! Отдыхайте до утра! Только вагон закройте, чтобы всякая шваль-рвань сюда не лезла! – распорядился Валико.

– Теперь они до утра спать будут, – сказал Реваз вслед повеселевшему проводнику. – Эта чача быка с ног валит!

– Давайте еще выпьем! – придвинулся к Розе Валико, вновь наполнивший стаканы. – Где вы, девочки, работаете?

– Разве это важно? – ухмыльнулась Роза.

– Я думаю, что вы – артистки, – не унимался грузин.

– Да мы – балерины. Работаем в театре оперы и балета. Сейчас едем на гастроли в Крым, – наврала Роза.

После выпитого руки компаньонов заелозили по ногам, грудям и ягодицам девушек.

– Вай! Надо Кукури позвать! – вспомнил о еще одном приятеле Валико. – Он – очень уважаемый человек. Пригласите кого-нибудь из ваших подруг!

– Зачем нам еще кто-то, милый? Нам ведь и так хорошо! Правда? – проникновенно посмотрела ему в глаза Роза.

– Конечно, хорошо! Очень хорошо! – быстро согласился Валико, предвкушая очередную победу и последующие за ней рассказы в Грузии о наслаждениях, доставленных ему балериной.

– Пойдем, покурим в тамбуре! – предложила Ревазу Стелла.

– Иди ко мне, золотая моя! – протянул к Розе руки Валико, когда они остались одни.

– Подожди! Мне надо раздеться, – проворковала Роза. – Отвернись! Я стесняюсь...

– Что за народ женщины? – усмехнулся Валико. – Трахаться не стесняются, а раздеваться стесняются?

Он повернулся к зашторенному окну, расстегивая брюки.

– Этот пютферан (педераст – общекавказское ругательство), Тимур, лопнет от зависти, когда узнает, что я балерину трахал! Да что Тимур?! Весь Кутаиси от зависти лопнет! С чего начать? Может быть, дать ей сосать для начала? – размышлял он.

Это были его последние мысли. Сокрушительный удар кастетом проломил грузину затылок.

В тамбуре курили Стелла и Реваз. Грузин прихватил с собой полбутылки коньяка. Парочка пила его вперемешку с поцелуями и затяжками.

– Скорей бы они кончили! Я так хочу трахать тебя! – сказал Реваз.

– Что ты, Ревазик? Я – девушка дорогая! У тебя денег не хватит, – хихикала Стелла.

– Смотри! Все, что сигаретой отгораживаю – все твое будет! – отделил сигаретой третью часть увесистой пачки с ассигнациями Реваз с снова опустил ее в карман шотландской кожаной куртки.

– Вообще-то, Ревазик, мне нравится больше долларами! У тебя доллары есть? – капризно надула губки Стелла.

– У меня все есть! Гляди! – Реваз достал из внутреннего нагрудного кармана бумажник и показал находившиеся в нем серо-зеленые «двадцатки». Видишь, – президент Джексон!

– А сотенных у тебя нет? – выигрывала время Стелла.

– Отчего нет? Есть! Только они дома, в Кутаиси... Вот и Розочка идет! – заулыбался Реваз, увидев вошедшую в тамбур девушку. – Как Валико?

– Сейчас тоже придет покурить, – ответила Роза и внезапно ударила Реваса в челюсть.

– Грузин ударился головой о стенку, заскользил по ней вниз.

Удары «рука-меч» и «рука-кинжал» крушили его ребра, рвали внутренности.

– Шени деды могит хан! (Е... твою мать – грузинск.) – хрипел Реваз, сиюсья достать пистолет.

– Вот, где у тебя пистолетишко! – Стелла с треском сжала запястье Реваса, и нанесла ему по глазам удар пятью пальцами свободной руки.

Грузин завыл, потянулся к глазам. Его обезоружили и били, пока не потерял сознание. Когда Реваз очнулся, увидел, как его пятьдесят тысяч опустились в карман к Розе.

– Мальчик еще и валюткой промышляет, – протянула ей доллары из ревазового бумажника Стелла.

– Фуфлю! Проверила я эти баксы! У того такие же купюры и на такую же сумму. Кинули их наши, казанские. Смотри: я смяла бумажку. Если доллар настоящий, она распрямится. А эти не распрямляются. Второй способ: чиркаю спичкой по номеру. Не зажигается! А от настоящих «гринов» должна зажечься!

– Что же ты, мил друг, с честными девушками фуфлом за любовь хотел расплатиться? – Стелла ударила Реваса ногой по мошонке.

Грузин завыл, закланялся. Удар «рука-меч» лег на его шею, перебив позвонки. «Вагонкой» – ключом для открытия дверей в поездах Роза отомкнула наружную дверь, и агонизировавший Реваз полетел в темноту ночи. Вернувшись в купе, девушки открыли окно и выбросили уже начавшее остывать тело Валико. Уничтожив отпечатки пальцев на стаканах и бутылках, их тоже выбросили из вагона. В коридоре послышалось какое-то шебуршание. Это подручные Розы привели официантку. Она стояла в колготках и халатике.

– Тащите ее сюда! – приказала Стелла.

– Так, что ты мне вякала, проститутки кусок? – спросила Роза. – Повтори!

Официантка молчала. Белокурая Марина сильно сжала грудь официантки.

– Ой, мамочка, как больно! – взвизгнула та.

Проворные пальцы стащили с нее халат и спустили колготки, с треском содрали черную комбинацию с кружевной отделкой.

– Колготочки ажурные, модные... Жаль, что ее без туфель вели. Теперь колготки выбросить придется, – рылись в гардеробе официантки розыны подручные, выбрасывая снятое в открытое окно.

– Девочки, миленькие! Я вам в матери гожусь! – повалилась на колени официантка.

С нее тем временем содрали черный бюстгальтер, найдя в нем комок ассигнаций.

– Да здесь целая штука!

– Теперь сиськи ей, твари, мыть придется – коньяк тратить, – ворчали девчата.

Бюстгальтер, а следом черные трусики с желтыми бабочками на боках тоже выбросили в окно.

– Ой, девочки! Как же я назад пойду? – причитала официантка, которой протирали грудь грузинским коньяком.

Роза и резко ударила кулаком по лицу:

– Не зажимайся, б...а! Расслабься!

Всю ночь жестоко насиловали официантку. Под утро ею пресытились.

Внезапно в дверь затарабанили.

– Я тоже трахаться хочу! – кричал Кукури.

Ему открыла девушка в блузке, но без трусиков.

Иди, потрахайся! – грубо втопили грузина в купе.

Его подсекли, поставили на колени. Девчата тем временем выгребли содержимое карманов пожилого коммерсанта.

– Старый ты для нас, дедушка! С ней потрахайся! – указали Кукри на истерзанную официантку. – Мне, что-то расхотелось, – закрутил головой грузин.

– Назвался груздем – полезай в кузов! – ответили ему и положили на официантку.

Кукури прилежно заработал на ней. Посмотрев на половой акт, Роза выстрелила ему из пистолета Реваза в затылок. Грузин обмяк. Вытянулась, откинув голову, официантка. Пуля, пробившая голову Кукри, вошла ей в лоб. Девушки заперли купе. Они проскользнули в купе проводников и забрали свои билеты.

– Станция Голутвин сейчас! Выходим! До Москвы доберемся на автобусе. Не задерживайтесь: стоянка поезда всего две минуты! – командовала Роза.

На пустой привокзальной площади к девчатам метнулся какой-то пьянчужка, он, получив апшеркот, затих на газоне.

После Голутвина в поезде разбудили пассажиров. Славка с Мустафой и Шабаккой опохмелились остатками самогона. Салах и Шизик отвернулись к стенке, велев разбудить их в самой Москве. С интересом рассматривали казанцы подступы к столице. Утопавшие в сосновых борах дачи Малаховки сменили задрипанные и загаженные Люберцы. Самой Москвы рассмотреть не успели: надо было будить «господ» и сдавать проводницам постельное белье. На Казанском вокзале первым из вагона вывалился Салах. К нему подошли скромно одетые молодые люди и ткнули в лицо удостоверения с красными корочками. Салах передал одному из них свою спортивную сумку, а сам побрел в их окружении, сцепив за спиной руки.

– Это, что нас так встречают? – спросила кодла у побледневшего Шизика.

– Да, встречают! – заметался тот. – Сыскари это! Рвем когти с другой стороны вагона.

У поезда металась милиция, люди в штатском, вырывая из толпы приезжих подозрительных личностей. Вскрыли вагон-люкс. С трудом разбудили пьяных проводников.

– Ты куда прешь в служебное помещение?! Пьяный, что ли!? – завопил один из них на сотрудников транспортной милиции.

– Это ты – пьяный! Где билеты? – потянулся тот к папке с билетами пассажиров.

Папка оказалась пустой. Пустым был и вагон. Лишь только в одном купе нашли трупы Кукури и официантки.

– Такова цена пьянства на рабочем месте! – показал проводникам трупы один из милиционеров. – Еще пару трупов нашли сегодня у железной дороги, на пути следования этого поезда...

– Что же будет? – завывли миглом протрезвевшие проводники.

– Тюрьма вам будет! Собирайтесь! – жестко ответили им.

5

Москва встретила казанцев осенним дождиком и промозглым ветром, тянувшимся с Яузы. Серо, неуютно и многолюдно было на Площади трех вокзалов. Озираясь, компания высматривала, куда бы податься подальше от глаз милиционеров.

– Все желающие приглашаются принять участие в экскурсии по Москве. Красная площадь, Ленинские горы, ГУМ, ЦУМ, Петровский пассаж, Ваганьковское кладбище с посещением могил Владимира Высоцкого, Сергея Есенина, Олега Даля. Автобус отправляется сейчас. Осталось еще несколько свободных мест. Стоимость экскурсии всего один рубль, – зазывал в мегафон пропитой мужик в очках и бороде.

– Поехали! – принял решение Шизик. – Все эти гумы-цумы нам не нужны, а Володю Высоцкого помянуть надо! Да и от ментов уйдем. Покатаемся по Москве, а там видно будет, что делать.

Заплатив по рублю, компания юркнула в «Икарус». Туда же набилось много заезжего люда из разных городов и весей. Два часа автобус шнырял по Москве, делая остановки в определенных зазывалой пунктах. После ГУМа а автобусе осталось менее трети экскурсантов. Под: «Посмотрите направо, посмотрите налево» проехали на Ленинские горы, где мужики с бронзово-красными мордами дали желающим полюбоваться за двух-гривенный (двадцать копеек – авт.) через стереотрубы панорамой столицы – уродливыми железо-бетонными коробками, вытеснившими «сорок-сороков», бульвары, парки, дворцы.

– Дрисня – эта Москва! – прокомментировал Славка. – Наша Казань куда красивее!

После панорамы и осмотра издалека громады университета покатали на Ваганьковское. Там кое-кто положил купленные у бойких старушек букетики к памятнику великому актеру и поэту, получившемуся в бронзе злобным карликом с повисшей, наподобие автомата, гитарой. Сходили и к Сереже Есенину. Тому цветов досталось поменьше. После этого автобус вернул гостей столицы на Площадь трех вокзалов, именуемую официально Комсомольской. Вытряхнувшись из автобуса, перекусили пирожками, не поймешь с чем, и решили определиться с ночлегом. У Шизика был адресок, по которому покатали на такси в Измайлово. На последнюю двадцатку водитель накатал компанию по всему району, петляя среди обшарпанных «хрущоб». Наконец, вывернули к нужной пятиэтажке. Долго дербанили в двери со следами многочисленных взломов и замен замков, которую, в конце концов, открыл старик в голубых кальсонах, с выцветшими от пьянства глазами.

– Нам бы дядю Мишу. Говорят, у него можно переночевать по сходной цене, – обратился к открывшему Шизик.

– Я – дядя Миша, ответил старик. – Сколько вас?

– Нас – четверо.

– Где же я вас размещу? У меня всего одна комнатенка! – попытался закрыть дверь старик. – За пятерку в ночь с головы мне одно беспокойство будет!

– Подожди, дядя Миша! Мы тебе по двадцатке за ночь платить будем, а то – и по четвертному! – продолжал переговоры Шизик. – Не бойся! Мы – не графья какие-нибудь! На полу разместимся. Нам бы ночь перекантоваться. А тебе – полтинник будет. Плохо, что ли?

– Проходите! – нехотя пропустил дед. – Откуда будете?

– Из Казани мы, дядя Миша! – скороговоркой ответил Шизик.

– Сироты казанские, значит... Кушать, выпивать с дороги будете?

– Будем! – выставил Славка последнюю бутылку казанской самогонки. А вот кушать...

– Картошка у меня есть жареная... С вечера осталась... Сейчас я ее разогрею, – удалился на кухню дядя Миша.

Пока хозяин возился у плиты, компания развернула в пустом углу пару матрасиков и завертела головами, оглядывая пристанище. Обшарпанный стол, три разнокалиберных стула, сервантик, не иначе как извлеченный с помойки, топчан и железная солдатская койка ютились в комнатухе с грязными обоями. Любопытный Славка покосился на сервант. В нем с гранеными стаканами соседствовали фужеры из розового и голубого стекла. Стояла там и поблекшая от времени фотография с каких-то военных. Славка взгляделся. Два лица показались ему знакомыми. В это время вошел дядя Миша, неся большую чугунную сковороду с потрескивавшей от кипящего маргарина картошкой. Он достал из серванта стаканы и вилки из нержавеющей стали. После этого принес из кухни буханку ржаного хлеба.

– По коням! – скомандовал хозяин, пододвигая с помощью Шабакки стол к топчанчику.

– Дядя Миша, что это за фотка у тебя в серванте стоит? – полюбопытствовал Славка.

– Да так... С войны она у меня...

– Два лица мне знакомы.

– Один – это я. Еще один – тоже тебе знаком. Это – Брежнев. А снимались мы в Новороссийске, после того, как город у немцев отбили.

– Ты и Брежнев? Не верится даже!

– Ладно! – прервал хозяин. – Давай, лучше, выпьем! Большой я нынче – опохмелиться надо!

Едва компания выпила по полстакана, как в дверь постучали.

– Алеша – это – сосед мой, – сказал старик и пошел открывать.

Он о чем-то шептался в прихожей с пришедшим. Компания поутихла и ждала, пока в комнату не вошел мужичок лет сорока с рыжими бровями и карими, словно буравчики, глазами. Он придирчиво взглядел на компанию.

– Выпьешь с нами, командир? – спросил его Шизик.

– Может быть, и выпью, – присел у края стола мужичок. – Надолго к нам, в Белокаменную?

– Как со временем и «бабками» выйдет, – ответил Шизик.

– «Бабки» здесь не проблема. Чалился, что ли? – метнул на Шизика быстрый взгляд мужичок.

– Было дело, – ответил тот.

– По какой статье?

– Девяносто восьмая прим – умышленное нанесение тяжких физических увечий.

– Тогда мы с тобой договоримся. Твои кореша тоже чалились-парились?

– Нет, но парни боевые, работать могут.

– В таком случае будет для вас непьющая работенка. Сейчас выпьем-покушаем. Потом отдохнете с дороги. Я часиков в десять за вами зайду, съездим в одно место, поработаем. А деньги –навоз: сегодня нет, завтра – воз! – опрокинул мужичок свои полстакана.

В десять вечера мужичок зашел за компанией. На метро привез кофлу на Комсомольскую площадь. Компания вышла из метро со стороны Ленинградского и Ярославского вокзалов.

– Вы пока посидите в зале ожидания Ленинградского вокзала. Когда будет нужно, я за вами зайду. Вот, тебе пятерочка: кофейку, водички попьете, перекусите чего-нибудь. Ждать, может быть, придется долго, – Алеша сунул Шизику мятую ассигнацию и растворился в толпе перед вокзалами.

– Мы же тут, вроде, утром были, – начал узнавать местность Славка.

– Правильно были. Только с другой стороны – у Казанского вокзала. А теперь здесь, на «плешке» работать будем, – ответил ему Шизик.

– Что еще за «плешка»? – не унимался Славка.

– «Плешка» – это место, известное на всю страну. Оно как раз между Ленинградским и Ярославскими вокзалами. Здесь блатной люд со всего Союза собирается. Все новости по нашей системе здесь можно узнать и работенку найти.

– Какая еще работа? Мы сюда гулять, а не мантулить приехали! – начал закипать Славка.

– У тебя есть на что гулять? Посчитай: сколько у тебя бабла в карманах? – зло спросил Шизик.

Славка приуמוлок. У него, действительно, осталась какая-то мелочь. Все ушло на дорогу и оплаты ночлега у дяди Миши.

– Молчи и слушай, – продолжал Шизик. – Какая у нас может быть здесь работа? Как и в Казани – делать то, что велят паханы.

– Что они могут велеть?

– Что могут? Что могут? На гоп-стоп кого-нибудь взять. Вот и работа вся. А вообще сиди и помалкивай!

Между тем дождик перестал, и «плешка» принялась наполняться людьми. Выползли покурить пассажиры из залов ожидания. Успели вернуться проститутки, обслужившие ранних клиентов. Ждали новых только что вылезшие из электричек подмосковные путаны, каждый вечер приезжавшие на промысел в столицу. Подкатывали на такси москвички. Покинули свои норы проспавшиеся и протрезвевшие бомжи. Сейчас их мучал синдром похмелья, и одолевали думы: где бы разжиться дармовой выпивкой? Здоровые и увечные опустившиеся мужчины и женщины сидели на парапете подземного перехода, соединявшего Ленинградский вокзал с Казанским. Здесь же шныряли отбывшие свои сроки заключения уголовники. Кое-кто из них собирался погулять в Москве перед отъездом к месту жительства. Кто-то искал прежние связи. Кто-то уже их нашел и теперь занимался поиском выпивки, чтобы отметить освобождение из мест лишения свободы. Разгуливали среди проституток искатели приключений – приезжие и московские. Около них терлись любители поживиться за чужой счет: прихлебатели, шулеры, торговцы наркотиками, сутенеры, бандиты-грабители. С каждого из искателей приключений «плешка» брала свое. Если видели, что клиент бедный – «худой карась» – его быстро спроваживали, подсунув старую, потертую проститутку из бомжих. С этого хватало несколько рублей за услуги и пятнадцать-двадцать рублей за выпивку. Все это прямо сейчас шло в общий котел бродяг. Проскакивали и «караси средней руки». Им подкидывали проститутку помоложе и повыше классом, продавали выпивку, выпрашивали стакан «на поправку здоровья» и отпускали с миром. Бывало, им, как и «худым карасям» попросту предлагали убраться с «плешки». Случалось, как и «худых карасей» грабили. Но это происходило редко, когда улов был крайне скуден. Богатые клиенты или «жирные карасы» всегда становились добычей грабителей. «Жирным» подбирали привлекательных и молодых дам. Затем торговались, подбирали «компаньона» и шли для затравки выпить в какой-нибудь закоулок, где уже поджидала компания бомжей или молодых людей с темным прошлым. Там «карася» «обдирали как липку», избив в случае сопротивления. На такую «работу» и подрядился Шизик с компанией.

Пару часов прождали «ребятишки» на вокзале. Там было тепло, хотя и душновато. Милиция не шерстила в помещении. Для нее было главным, чтобы не играли в азартные игры, не орудовали карманники и похитители чемоданов – «фармазоны». Однако время тех и других, как и вокзальных аферистов, истекло после одиннадцати ночи. Парни истомились в ожидании. Они быстро проиграли полученную от Алеши пятерку на игровых автоматах. Наконец, появился Алеша. Он вызвал с собой Шизика и Славку. Парни увидели мельтешение на «плешке». Две пожилые бомжихи раскалывали пьяненького майора-медика.

– Да, ладно, девчата, у меня в час пятьдесят шесть поезд на север отходит. Пойдем, дерябнем и побалуемся немного! – уговаривал он бомжих.

– Мы по одной не ходим. Только вдвоем! Если хочешь, вон того рыженького возьмем, – указали бомжихи на Алешу. – Он в командировку из Кустаная приехал...

– А я уже бутылочку взял! – вытащил Алеша из плаща заранее припасенную поллитру.

Медик немного поломался. Затем пошел в сопровождении бомжих и Алеша к платформе Каланчевская, примыкавшей к Площади трех вокзалов. Милиции в этот час на Каланчевке уже не было. Редкие пассажиры забились в ожидании электрички в стеклянный павильон станции. Следом за бомжихами шли Шизик со Славкой. Славка видел, как целовался взасос с одной из бомжих майор. Остановилась компания в самом конце платформы. Там бомжихи достали стакан, налили в него содержимое бутылки.

– Сейчас выпьем и пойдем ко мне. Здесь три минуты до моей хаты! – сказала бомжиха, которую называли Тамарой.

– А чего там мужики стоят? – опасливо посмотрел майор в сторону Шизика и Славки.

– Чего стоят? Электричку ждут. Пей, пей! Я тоже хочу выпить! – ответил ему Алеша.

– А это – на закуску, – поцеловала бомжиха в губы медика, когда тот выпил.

Поцелуй длился минут пять. Руки майора похотливо елозили по заду Тамары, норовя влезть пальцами между ягодиц. Алеша налил еще один стакан. Как только поцелуй закончился, медику снова поднесли выпить.

– П-пей! – кивнул майор, выпив еще, и закачавшись.

– Нет, я что-то не хочу, – возразил Алеша.

– В-выпей ты! – качнулся майор к Тамаре.

– Я?! Да ты что? Я вообще не пью! – устранилась та.

– М-может, ты выпьешь? – опускаясь на лавочку, спросил майор другую бомжиху.

– Больно нужно! – отпрянула она.

– Т-тогда я пошел, – попытался встать с лавочки почуявший недоброе майор.

– Нет, посиди! – повисли на нем бомжихи.

Они скрутили майору руки, а Алеша прошелся по карманам, выгребая из них кошелек, бумажник, какую-то мелочь.

– П-партбилет отдайте, суки! – рванулся майор.

– Вот тебе твой партбилет и твое удостоверение, – Алеша засунул документы во внутренний карман майору.

– Часы, часы сними! – напомнила Тамара.

Часы майора перекочевали в карман Алеша. Речь медика стала нечленораздельной. Он захватал воздух губами и затих. Оставив майора на лавочке, компания перешла через пути и в скверика разделила добычу. При майоре было триста рублей с мелочью. Сотню Алеша дал Шизика, столько же бомжихам. Остальное оставил себе.

– Майор болтал, что с курорта едет... Какие же «бабки» у него были до санатория, если сейчас три «стольника» осталось? Вот бы нам его до курорта швырнуть! – сокрушалась Тамара.

– А ну покажь, что за «котлы»? – потребовала другая бомжиха.

– Да, ерунда! Отечественные, к тому же именные. Видишь: «За отличное выполнение задания командования» написано. Не толкнешь! – покрутил часами перед носом у бомжих Алеша.

– Давай сюда! Нам они сгодятся! – протянула руку Тамара. – Мой без «котлов» уже вторую неделю ходит.

– Мне бы самому приличные часики справить – пробормотал Алеша. Ладно. Хрен с ними! Бери!

Зайдя за кусты, Тамара спрятала часы в трусики. Славку послали посмотреть, что с майором. Выглянув из скверика на платформу он увидел, что рядом с майором стоят два милиционера. Один что-то говорил в портативную рацию.

– За медика я спокоен, – сказал Алеша. – Жить будет!

Прошмыгнув сквериком, компания вышла на другую сторону Комсомольской площади. У Казанского вокзала разделились на группы. Впереди шли бомжихи, чуть поодаль Славка с Шизиком. Замыкал шествие Алеша. Пустынно было у Казанского вокзала. Жизнь била ключом на противоположной стороне площади. Здесь же болтались с сигаретами в зубах пассажиры с поездов дальнего следования и терпелись возле них попрошайки. Сквозь вокзал с перрона тянуло горевшим в вагонных титанах углем и неистребимым запахом поездных туалетов.

– Девушки, вам не скучно? – окликнул бомжих узбек в плаще на меху и тюбетейке.

– Скучно! – ответила Тамара. – Закурить не найдется?

– Найдем, найдем. Есть наши – «Ташкент». Бутылочка есть. Выпить, побаловаться не желаете?

– Желаем! У тебя времени много?

– Часика три есть...

– Тогда едем к нам, в Перово! – громко сказала Тамара, чтобы услышал Алеша. – За два часика ты справишься и минут за тридцать до отхода поезда приедешь на Казанский. Полтинник на двоих дашь – хорошо будет. У тебя деньги-то есть?

– Полтинник на двоих найдем, – закивал узбек. – Это Перово далеко? А то мне шмотки из камеры хранения забрать надо.

– Какой далеко?! Десять минут на электричке. Сколько времени, говоришь? Через десять минут наша электричка отходит.

Алеша уже принял решение. Он отправил Славку за кодлой, а сам с Шизиком пошел за бомжихами и узбеком. Те вышли на перрон и крутились возле расписания пригородных поездов, ожидая появления подельников. Наконец, все были в сборе. Бомжихи с клиентом влезли в вагон. В соседнем вагоне разместились компания казанцев во главе с Алешей. Прибыли на станцию Перово. Бомжихи потащили узбека в лесопосадки у платформы. Там тот достал бутылку водки, которую начали пить из горлышка. Прячась за деревьями и кустами, кодла приблизилась к компании и затаилась. Узбек, прихлебывая, ругал Москву и ее порядки, рассказывая о сделанных покупках. Вдруг он сказал Тамаре:

– Пососи мне здесь!

– Ишь, чего захотел! – фальшиво возмутилась та. – Мы – женщины порядочные! Нас мужья дома ждут! Угостил – спасибо!

– Зачем комедь ломали?! – начал заводиться узбек. – Выжрать захотели на халяву?! Работайте теперь, б...! Я зачем сюда тащился?! Я вам сейчас п... ей навешаю!

– Говорят же тебе: мужья нас ждут! Да не только ждут – мой уже встречать вышел! – указала Тамара на вылезшего из укрытия Алешу.

– Ты чего, мужик, к чужим женам пристаешь? – спросил Алеша опешившего узбека и врезал ему в челюсть.

Тот поскользнулся на мокрых листьях и упал на них. Подняться ему не дали. Окружившая узбека кодла молча била его ногами, пока он не затих. Алеша заскользил по карманам узбека, пересыпая в свой потертый плащ их содержимое.

– Живой? – кивнул на узбека Шизик.

– Живой, живой! Только недельки три ему в больнице повалиться придется, – ответил Алеша, снимавший с узбека карманные часы.

Добычу делили в электричке, везшей кодлу назад, в Москву. Бомжихам обломилась сотня. Еще сотню получила компания казанских. Остальные деньги Алеша не показал. Кроме того, он справил себе приличные часы.

– Сколько же «бабок» ты от нас зажал? – нагло спросила Тамара, когда компания высадилась на перроне Казанского вокзала.

– Как и уговорились – треть, – невозмутимо ответил Алеша.

– Потрахаться не интересуетесь? – спросил Тамару Шизик.

– Нет, дружок! С кем потрахаться у нас есть и без тебя, – ответили бомжихи и скрылись в направлении Каланчевки.

На такси вернулись в Измайлово, купив у водителя три бутылки водки. У дяди Миши Алеша выпил свои полстакана и откланялся. Дяде Мише дали «полтинник» – плату за два дня, плеснули водочки. Тот повеселел. Пользуясь случаем, Славка снова стал допытываться про знакомство того с Брежневым. При каких-таких обстоятельствах свела их судьба?

– При каких, при каких? Ординарцем я у него был, а позже – адъютантом, шестеркой, проще говоря! Но он сам жил и другим жить давал. Меня – сопляка молодого, без образования, без всего – в офицеры вывел. Как удачная операция, он – себе орден и мне – орден. Но капризный был. Барин – да и только! Баб любил крепко. Ни одной юбки не пропускал, хотя жена-еврейка в эвакуации была.

– Дядя Миша, а правда, что Брежнев был человеком очень смелым? Я помню, передавали по радио отрывок из его книги «Малая земля». Там он писал, что как-то из пулемета целые цепи немцев один выкосил...

– А в самой книге это пропечатано?

– Нет...

– То-то! Бздун был твой Брежнев, каких свет не видел! Шли мы как-то на катерах на эту самую Малую землю. Налетели на нас «мессеры», начали из пулеметов стрелять. Леня до того обосрался, что выпрыгнул за борт. Насилу матросы его из воды выловили. Вытащили на палубу и говорят: «Ну, полковник, еще раз выпрыгнешь – больше вытаскивать не будем!» Вот какой вояка был Леня! Болтун он был и на войне, и после войны. В старости совсем на «железках» помешался – по случаю и без случая сам себя награждал. Ордена, разве что на жопу не вешал! Да что себя награждал?! До того опустился, что в других странах награды выпрашивал...

– Что же ты, дядя Миша, при таком бугре состоял, а дворцов не нажил?

– Про то – другой разговор! Давайте-ка выпьем еще и на боковую! Время позднее!

Под утро Шабак разбудил Славку и вызвал его туалет.

– Слушай, Славк, наварил я себе на конец чего-то. Писюн болит, ссать больно... Посмотри, как капает!

– Нужно мне смотреть, как у тебя капает! Трахаться надо с проверенными людьми и избегать случайных связей! Так в журнале «Здоровье» пишут. Читать надо научно-популярную литературу, темнота!

– Не пудри мозги! Лучше, скажи, что делать?

– Попробую помочь. Когда мы уезжали из Казани, дал мне Галим таблеток. «Москва, – говорит, – город большой. Заразу какую-нибудь поймать можно». На этот случай дал мне пилюли.

Славка дал Шабаке принять подряд три таблетки. Тот пару часов к ряду бегал в туалет через каждые пять минут. Но к рассвету успокоился – боль утихла. Выспавшись, парни ссудили дядю Мишу деньгами. Тот сгонял еще за тремя поллитрами. «Полечившись» после вчерашнего, послали старика за Алешей. Хотели договориться, когда снова идти «на работу». От него дядя Миша пришел вконец хмельной.

– Алеша сказал, что он сегодня при деньгах. Поэтому будет отдыхать. Да и вам не советую идти на прежнее место. Там сегодня менты шмонать будут. Алеша говорит, поезжайте на площадь Курского вокзала. Может, там чего словите. Да и вам туда добираться легче. Никаких пересадок. Сели на метро – через пятнадцать минут на месте. Только, Алеша говорит раньше двенадцати туда не суйтесь! Ловить нечего, а менты могут прискрестись. Они там злые! – выдал информацию дядя Миша и отключился.

6

На Площади Курского вокзала в ту ночь шел разгул. Близился конец недели. В столицу приехали «отдохнуть» на два дня гастролерши из Владимирской области: старшеклассницы, петеушницы, студентки, учительницы и медсестры. Кружились подле них тершиеся на вокзале кавказцы, бывшие при деньгах москвичи, денежные мужики с юга России. Терлась здесь и публика победнее, но ее было немного. Шизик быстро оценил обстановку. Он велел подручным кадрить пару владимирских девчат, а Славке – высматривать «карася». Тот сыскался довольно быстро. Мужик лет тридцати сам подошел к Славке. Узнав, что тот ищет бабу, мужик предложил поискать вместе, поскольку владимирские поодиночке «в гости» не ходили.

– А где ты, мужик, живешь? – как бы невзначай спросил Славка. – Поди к тебе час на «тачке» добираться надо... А, у меня под утро в Чебоксары поезд уходит.

– Рядом я живу, на улице Обуха. Пять минут – и мы на хате. Пешком по свежему воздуху дотопаем.

Кодла высмотрела, тем временем, пару девиц в небесно-голубых куртках. Однако те шарахнулись от плохо одетых Шизика с Шабаккой. Зато когда к ним подвалили Славка и назвавшийся Владиком искатель приключений в дорогой кожаной куртке, согласились «пойти в гости». У таксистов купили пару бутылок водки и потопали подземным переходом к тихой улочке Обуха. Казанские кралась за компанией на почтительном расстоянии. В темном дворике вошли в не поймешь когда построенную пятиэтажку. На лифте поднялись в квартиру. Там застали на накрытом столе следы гулянки: пустые бутылки, наполовину опорожненные банки с консервами, остатки сыра и колбасы.

– Хорошо же вы живете! – проглотил слюну увидевший сервелат Славка. – Я такого сроду не едал!

– Что же ты такой беспорядок развел? – спросили Владика девушки.

– Друзья сегодня собирались, мальчишник был!

– А после мальчишника тебя на клубничку потянуло?

– Почему бы и нет? Давайте, девчата, сейчас приберем на столе и выпьем.

Девчата нехотя собрали грязные тарелки и отнесли их на кухню. Владик разлил водку по рюмкам не первой свежести. Славка оглядел комнату. Он заметил видюшник «Панасоник» и стереомагнитофон той же фирмы. Приглянулась ему и кожаная куртка Владика.

– Давайте, выпьем еще! – предложив Владик, едва опрокинув в себя рюмку.

– Теряем мы только время, – поскучнели девчата. Условия – антисанитарные. Один из Чебоксар, а не москвич. Пойдем мы. Время еще есть. Кого-нибудь поймаем...

– Что вы, девочки?! Сейчас еще выпьем, сказал наливавший себе третью рюмку Владик, – и в постельку, баиньки!

– Да, тебе только баиньки и нужно. Ты на нас, пожалуй, еще описаешься... – ответили девчата.

Владик хотел было возмутиться, но, выпив еще, раскинулся на диване и захрапел. На глазах у опешившего Славки владимирские прошлись по карманам владиковой куртки, вытащив из нее три десятки. Затем стали примеряться к видуку.

– Вот, что, девочки, – сказал опомнившийся Славка. – Сейчас сюда деловые ребята придут. Хату бомбить будут. Топайте отсюда, пока вас не трахнули! Бабки, что у этого шплинта взяли, пусть будут ваши – за потерянное время. Остальное не трогайте! Не то руки вырву!

Обругав Славку нахалом, девушки покинули квартиру. Оставив дверь открытой, Славка спустился вниз. Кодла курила во дворе. В полном составе поднялись в квартиру. Владик продолжал храпеть на диване. Опустили в спортивную сумку видюшник и стереомагнитофон. Выгребли из шкафов джинсу, пару новых водолазок, несколько заграничных рубах.

– Откуда здесь мужики?! По какому такому праву?! Проснулся на мгновение Владик и снова захрапел.

С Владика содрали кожаную куртку. Следом за ней в сумку полетели ранее снятые джинсы фирмы «Вранглер». Оставив описавшегося хозяина похрапывать, кодла покинула квартиру. По дороге к Курскому вокзалу обсудили: «работать» еще и ехать отдыхать. Остановились на последнем.

– Здесь штук на пять будет! – похлопал по сумке Шизик.

Спали до полудня. Очухавшись, принялись осматривать добычу. Дядя Миша одобрительно кивал головой. Затем он смотался за Алешей. Тот явился быстро, посмотрел на добытое у Владика барахлишко и сказал:

– Вам, братва, его не загнать! В комиссионках товар принимают только у москвичей. А «толкать» с рук опасно: засыпаться можно! Давайте, я его пристрою. Хорошие «бабки» будут!

– Делать нечего. Бери! – Шизик положил добычу в сумку. Когда рассчитаешься с нами?

– Сегодня я гуляю-отдыхаю. Завтра отдам шмотье верным людям... Или завтра вечером, или послезавтра утром принесу «бабло». Идет?

– Идет – не идет, а куда денешься? – разлил по стаканам водку Шизик.

– Я гляжу: вы – толковые ребята! Если и сегодня с добычей придете, предложу вам верное дело. По штуке каждый получит. Ну-да, ладненько. Сегодня без меня поработайте, а завтра решим, что к чему.

Ночью кодла снова приехала на Курский. Она стала приглядываться к тусовщикам, выбирая очередную жертву. Вдруг Шизик замер. Он жестом приказал компании затаиться и замолкнуть. Парни увидели, как сквозь толпу в сопровождении двух молодых людей шел, вглядываясь в лица помятый Владик.

– Рвем когти! – скомандовал Шизик. – Нас ищут!

На метро добрались до Комсомольской. Там без труда нашли Тамару с подружкой. Они уже успели остаканиться и теперь куражились над искателями приключений. Славка отозвал бомжих в сторонку.

– Узнаете старых знакомых? – спросил он.

– Где-то, когда-то... – ответила Тамра. – Говори, чего надо?

– Подработать не желаете?

– С вами, ребята, не соскучишься! То подработать, то подтрахаться! Подумать нам надо, а голова варит плохо. Мы ж два дня не просыхали! Только и сумели по куртчонке себе справиться, да кое-что из бельяшка. Полечите нас!

Бомжихам поднесли по полстакана водки. Те, покурив, согласились на дело. Они показали двух шнырявших в толпе пожилых армян.

– Давно уже тут трутся, привередливые!

– Крутануть их надо! – решил Шизик.

– Тогда, давайте сейчас – молодые скоро от первых клиентов вернутся. Наверняка, их подцепят. Ты, – кивнула Тамара Шизик, – будешь вроде нашего сутенера.

Бомжихи юркнули под стену Ярославского вокзала, а Шизик направился к армянам. Он попросил у них прикурить и коротко поговорил с ними. Вскоре Шизик отошел к Ярославскому вокзалу и вернулся оттуда с бомжихами. Получив от армян пятерку, он отошел к кодле.

– Встаньте за ними в очередь на такси! – велел он. – Поедете следом. Я тоже, когда отъезжать будете, сяду. Действовать будем по обстоятельствам. А пока в тени побуду. Нельзя мне сейчас рядом с ними светиться!

Кодла пристроилась в хвост коротенькой очереди, позади бомжих и армян.

– И чего же такие видные мужчины сюда приехали, на «плешку»? – допытывалась у армян Тамара. – Вам путан надо снимать в дорогих кабаках. Там молоденькие студенточки дежурят.

– Э, дорогая! Везде мы побывали! Все б...ские места в Москве прошли! Коллекционируем мы баб. «Плешку» решили оставить на закуску. Перед отъездом домой сюда заехали.

Подкатило такси, в которое сели армяне и Тамара с подругой. Кодла разместилась в следующей машине, велев шоферу ехать за армянами. В последний момент в такси сел Шизик. Парни видели, как севшие на заднее сиденье бомжихи целуют и ласкают разместившегося между ними армянина. Ехать пришлось недолго. Вывернули на Садовое кольцо, миновав Курский вокзал, свернули на набережную Яузы. Там машина остановилась у двух 12-этажных башен. Рассчитавшись с таксистом, заметили дом, в который вошли бомжихи с клиентами. Предусмотрительные подельницы оставили дверь подъезда открытой, не дав сработать кодовому замку. Парни слышали голоса где-то наверху.

– Как высоко! Десятый этаж! – различила кодла голос Тамары.

Вызвав лифт, поднялись на десятый этаж. Там, в одной из квартир слышали знакомые голоса. Славка позвонил. Ему не открыли. Пришлось позвонить несколько раз.

– И кэто там? – спросили из-за двери.

– Участковый инспектор! Соседи жалуются, что шумите, отдыхать мешаєте. Откройте! Мне надо проверить вашу прописку! – нашелся Славка и отодвинулся, уступая место Шизику.

Дверь отворилась. Лицо открывшего вытянулось от изумления, когда он увидел не милиционера, а оставленного четверть часа назад на «плешке» сутенера. Сказать что-либо армянин не успел. Охотничий нож вошел ему в сердце. Подхватив закатившего глаза армянина, Шизик вошел в квартиру. Тихо прокрались в нее парни.

– Чэто там, Рачик? – спросил почему-то по-русски товарищ убитого.

Он приоткрыл дверь и высунулся в прихожую. Ребром ладони Шизик ударил его по переносице, обеспечив тихую, мгновенную смерть. Вытащив второй труп в прихожую, кодла вошла в гостиную. Она была завалена чемоданами, тюками, свертками, картонными ящиками.

– Армяшки не только московских б...й коллекционировали! Пол-Москвы хотели вывезти в Соединенные Штаты Армении, – покосился Славка на упаковки.

Бомжихи в одних комбинациях возлежали на югославских диванах. Они уже были пьяны. Женщины проявили изрядную оперативность – успели не только напиться, но даже постирали трусики с колготками, которые сохли на батарее. Недолго думая, Славка с Шабаккой упали на бомжих.

– Охренел, урод? – только и успела спросить Тамара.

Бомжиха не стала сопротивляться. Она расслабилась и получала удовольствие. Только сейчас Славка почувствовал огромную разницу между опытной женщиной и его бывшими одноклассницами. Тамара руководила им. Они кончили одновременно. Кончили рядом и Шабакка с тамариной подружкой. Шизик с Мустафой тем временем рылись в барахле убитых. Тамарина подружка позвала Мустафу:

– Иди сюда, толстожопый!

Неутомимый Шабакка пристроился к курившей Тамаре. Славка пошел помогать педерасту-Шизику отбирать вещи. Славка вновь изумился: сколько же хотели увезти с собой армяне. Японские магнитофоны и видеошники, «кожа» и джинсуха, шотландские виски и немецкие сигареты перемежались с женским бельем французского и итальянского производства. Были там же канадская песцовая шуба и тоже канадский норковый жакет. Обнаружили при убитых около тысячи рублей, оставленных на дорогу. Кончив второй раз, бомжихи пошли в ванную подмываться. Выйдя из ванной, они подкрасились турецкой косметикой, облачились в итальянское белье, английские шерстяные костюмы, канадские шубу и жакет. Поделив добычу, дотопали до Таганки. Оттуда вернулись на такси и, забрав улов, вернулись к Трём вокзалам. С «плешки» кодла поехала на другом такси в Измайлово, а бомжихи, склоняясь под тяжестью груза, потопали на Каланчевку. Там в общественном туалете в ненастную погоду

ночевали бомжи. Кроме барахла Шизик выделил им щедрой рукой сотню, а Шабака награбил гонореей.

Утром пришел Алеша. Он принес выручку за взятое у Владика – три сотни рублей. Увидев вытянувшиеся лица ребятшек, Алеша заявил:

– А вы что думали: легко краденое продавать? На ворованном миллионы не заработаешь! Ну и мне за риск проценты надо оставить... Я даже больше вас рискую, когда краденое продаю.

– Хорошие же у тебя проценты! – охнул Шизик убирая выручку.

– Не тушуйся, молодежь! Есть у меня для вас хорошая работенка. А вон и наш клиент подъехал, – указал Алеша на полного еврея, вылезшего из «Волги» у дома напротив. – Денег куры не клюют! Работает, гад, в торговле. Сейчас квартиру кооперативную построил. Говорят, – двухэтажную. Через недельку возьмем его на гоп-стоп или хату разбомбим. Тогда по штуке на брата получите.

– А до этого сидеть и хрен сосать? – спросил Шизик. – Нам настоящий куш нужен, а не та мелочь, что ты принес! Мы сюда отдыхать приехали! Москву хотим посмотреть, по кабакам походить, погулять желаем...

– Ты, юноша, Москву не знаешь. Поэтому если не хочешь засыпаться и снова срок мотать – слушай меня. Я здесь всю жизнь, за исключением червонца, что в лагерях оттрубил. Я тебе помогу работать аккуратно, без засыпки. Сами вы здесь быстро рога пообломаете. Если менты не повяжут – московский блат сдаст. Он залетных терпит до поры, до времени. Словом, покуда не велю, еврейчика не трогать! Есть «плешка», есть Курский вокзал. Там и гастролируйте! Что сегодня взяли? – потянулся к поклаже Алеша.

– Это мы толкать не будем! Сувениры в Казань. Сегодня что-нибудь привезем – предложим.

– А я, ребятшки, с вами в долю решил войти. Взял с собой бутылочку. Полстакана из нее хлебнул лох – спать будет целые сутки. А вы бомбите его квартиру, как хотите, – поставил на стол Алеша бутылку из-под «Боржоми» с прозрачной жидкостью.

– И какую ты долю хочешь? – спросил заинтересовавшийся бутылкой Шизик.

– Половину, – просто ответил Алеша.

– А ты простой, дядя Леша, как газета «Гудок», – ввернул Славка подцепленное в Москве выражение. – Какой уж есть, золотой мой, – пробежало по лицу Алеши подобие улыбки. – Согласны?

– Куда деваться? Согласны... – ответил за всех Шизик.

– Лады! А чтобы вы меня не кинули, с вами будет моя женщина работать! С нею никаких глупостей! Ее во внерабочее время трахаю только я!

Ближе к ночи Алеша свел кодлу со своей женщиной – литовкой-проституткой Анной. С ней поехали сначала на Курский вокзал. Снова «работа» там сорвалась. Вовремя заметили ведомых сквозь вокзальную толпу владимирских девчат запримеченными вчера молодыми людьми. Рядом злобно прыгал Владик.

– Сейчас, стервы, с вами разберутся! И подонков, с которыми вы мою квартиру обчистили найдут! – обещал он девчонкам.

– Да брось ты, мужик! Мы тебя знать не знаем, и видеть не видели! Шел бы домой, проспался. А то – вон рожа у тебя опухла от пьянства, – визгливо выкрикивала одна из владимирских.

– Школьницы мы, дяденьки! Отпустите нас! Нам завтра в школу, на уроки надо, – жалобно просила другая сыскарей.

– Иди, иди! В отделении разберемся, а здесь не базарить! – урезонили ее.

Пришлось опять ехать к Трём вокзалам. Там Анна подцепила искателя приключений из Текстильщиков. Мужик только что проводил жену в отпуск и теперь искал приключений. Анна сторговалась с ним за четвертной. Как и в прошлый раз, кодла пристроилась за Анной

и клиентом в очередь на такси и внимательно прислушивалась к их разговору. Мужик оказался художником, только что получившим деньги за большой заказ. Потом нудно ехали до Текстильщиков, где Анна с художником вышли у кооперативной двенадцатиэтажки, облицованной зеленым «кабанчиком». У Анны была бутылка с алешиным зельем, поэтому мужика решили не убивать.

– Пусть себе рисует, – милостиво разрешил Шизик, куря на детской площадке.

Художник оказался крепким. Зелье долго его не брало. Кодла уже начала замерзать под мелким осенним дождиком, когда в подъезде появилась Анна и поманила парней в дом. Художник спал, раскинувшись на ковре. Не смущаясь, Анна натянула на себя колготки и спущенную юбку.

– Вот скотина! – пробормотала она. – Хорошо, что еще до трусиков не добрался.

– Теперь тебе на «плешке» нельзя показываться, – сказал Славка, набивая в сумку барахлишко художника. – Он заложит, менты повяжут...

– Не повяжут! – ответила Анна. – Это зелье напрочь память отшибает. Утром он ничего не будет помнить. Ни где был, ни с кем пил, ни кого в гости пригласил.

На прощание Шизик лишил художника невинности, и обобравшая квартиру кодла уехала на «базу». Там ее уже поджидал Алеша. Он забрал причитавшуюся ему половину и на барахлишко на продажу. Снова пошли по кругу бутылки, купленные у водителя. Проспавшись, решили осмотреть взятую у армян добычу. Половины барахла не оказалось. Не было дома и дяди Миши.

– Работали, работали – все в пустую! На дядя работали, Шизик! – плюнул Славка.

– Вижу, что не на тетя! – огрызнулся тот. – Править их надо, пидоров гнойных! Другие мнения есть?

– Я – за! – поддержал Славка.

– Мы – тоже! – откликнулись Мустафа с Шабаккой.

– Где только этих тварей взять? – подумал вслух Славка.

– Боюсь, сдадут они нас ментам, – сказал Шизик. – Оставшееся шмотье надо отвезти в камеру хранения. Что-то, может быть, толкнем грузинам у комиссионки. За хатой будем следить. Эта старая проститутка – дядя Миша рано или поздно вернется. Тогда поднапряжем его, выйдем на Алешу с Анной.

Собрав вещи, кодла вымелась из квартиры. Она вовремя додумалась пойти не как всегда к остановке автобуса, а кружным путем. Парин увидели подкатывавшие к дому «воронки». Из них выскакивали менты и люди в штатском, рассредоточивались среди окружавших постройку деревьев. По-стариковски суетясь, шнырял между ними дядя Миша.

– Видать, не первых залетных сдают, твари! – возмутился Шизик. – Используют, как нас, потом обирают, потом ментов вызывают.

– А не боятся, что залетные сами их заложат? – поинтересовался Славка.

– Чего бояться? Залетные знают, что чем больше народа в деле – тем круче статья и больше срок. А дядя Миша всегда вывернется. Не знал, скажет, что квартиру вора сдаю. А как узнал – сразу к вам, граждане-начальники, обратился. Он, поди, еще и у ментов премии получает, Иуда!

– Сколько же шмотья мы им за бесценки отдали! А сколько они у нас стырили! Жили, черт знает, как! Питались говном! И все ради того, чтобы московские дяди за нашу же доброту нас бы посадили, – возмутился низостью москвичей Славка.

– Да-а! Обнаглела Москва, – протянул Шизик. – Эй, такси! Шеф, на Казанский! Два червонца даю – поезд отходит!

Остатки барахла удалось пристроить за пару тысяч рублей азербайджанцам, крутившимся у недавно открытого универмага «Московский». При расчете азер попытался переломить пачку денег пополам.

– Пачкой-то не мельтиши! Знаем мы вас – кидал! – прикрикнул на него многоопытный Шизик.

Азеры попытались рыпнуться, но, увидев недобро сузившиеся глаза парней и опущенные в карманы курток руки, рассчитались честно.

– Теперь гульнем! – обрадовался Шабака.

– Не торопись! – остудил его пыл Шизик. – Сначала надо с этими аферистами покви- таться. Когда стемнеет, снова к дяде Мише заскочим. Авось, что-нибудь выйdet.

Стемнело по-осеннему рано. Кодла снова кружным путем явилась по знакомому адресу. У дяди Миши горел свет и слышались голоса. Славка хотел попросту вышибить дверь, но Шизик остановил его. Он приткнулся к двери и прислушался к разговору в квартире.

– Вы бы хоть какую-нибудь засадку у меня оставили, гражданин участковый, – просил дядя Миша.

– Не бойся, дядя Миша! Они не сунутся! Они сейчас в свою Казань-Рязань с полными штанами улепетывают! Ну, давай еще по одной – и я потопаю. А за курточку – спасибо! Давно я о такой коже мечтал! – отвечал дяде Мише молодой голос.

– Я маненько приберусь после этих лохов казанских и пойду к Анне.

Вечером к ней Алеша должен зайти – «бабки» принесет. Тогда завтра тебе, как уговари- вались, полтысчонки подкину.

– Ну, бывай, дядя Миша! Я завтра к тебе в это же время заскочу.

Услышав приближавшиеся к двери шаги, Славка и Шизико тихо поднялись на второй этаж. Они проводили взглядами старшего лейтенанта в милицейской форме, уносившего пла- стиковый пакет, сквозь который просвечивала куртка Владика.

– Вот, мрази! – прошептал Шизик. Даже с ментами обносками расплачиваются. Вконец обнаглели!

Прислушиваясь к шорохам в квартире кодла расположилась на лестнице. Ждать при- шлось недолго. Дверь открылась, из квартиры вышел дядя Миша и снова влетел в нее, полу- чив удар в челюсть. Старик не успел даже удивиться. Шизик прыгнул на него и ударил двумя ногами в грудь. Затрещали ребра, дядя Миша открыл рот, но не смог ни крикнуть, ни охнуть. В рот въехал славкин ботинок. Кодла заперла двери, задернула рваные занавески в комнате и на кухне. Шизик достал лейкопластырь, которым заклеил рот старику. На кухне, тем време- нем, поставили кипятиться кастрюльку с водой. Потерявшего сознание старика привели в чув- ство, полив холодной водой.

– Где живет Алеша? Где живет эта проститня Анна? – спросил Шизик.

Старик отрицательно замотал головой. Внесли кипяток и опустили в него стариковскую мошонку. Дядя Миша завыл. Скупые слезы побежали по неумытому лицу. Мошонку выта- щили. Она распухла и стала алой. Дед тяжело дышал, закатив глаза.

– Сейчас у тебя яички красные. Мы их еще кипятком пошпарим, а потом, чтобы поси- нели, зажмем между дверей. Будешь раскалываться, тварь?! – прикрикнул Шизик.

Старик согласно закивал головой. С него сняли лейкопластырь.

– Так, где живет Алеша?

– В соседнем доме, во втором корпусе, квартира пятнадцать. Только, он сначала к Анне зайдет. Она живет через дом от нас, двадцать третья квартира...

– Проводи нас к ней! И без фокусов – не то напрягать будем!

В раскорячку дядя Миша провел кодлу к анниной квартире.

– Кто там? – спросила Анна.

– Я, Аннушка. Я – дядя Миша. Алеша не приходил?

– Входи! – нехотя загремела засовом Анна.

Ее отоварили ногой по лбу. Проститутка влетела в комнату, бывшую гостиной. Она покатила по синтетическому напольному покрытию. Оказавшись рядом с диваном, путана

выдернула из-под него маленький туристический топорик и наподобие томагавка метнула его в Славку. Тот увернулся и бросился за проституткой, уползавшей в спальню. Догнав Анну, Славка впился ей в волосы и бил ее коленями по лицу, пока она не потеряла сознание. В это время Шизик без шума прирезал дядю Мишу. Анне тоже заклеили рот лейкопластырем. Ее раздели и уложили в спальне на широкой постели. Кодла бесшумно рыскала по квартире, выгребая барахло, золотые цапки фирменные джинсы и кожу. Нашли кое-что из своих трофеев. Шизик, прихватив топорик, затащил труп дяди Миши в ванную. Через несколько минут он вышел оттуда, неся в тазике отрубленную голову старика. При виде этого зрелища Шабака и Мустафа блеванули. Славка с трудом удержался. Подкрепив компаньонов водкой, Шизик велел им затаиться на кухне, расположенной у входа в квартиру. В это время завозилась на постели пришедшая в себя Анна. Шабака устремился в спальню. Оттуда послышались звуки борьбы и стоны Анны, сменившиеся потрескиванием матраса. Шизик немного выпил и закурил перед поставленной на столе в гостиной отрубленной головой. На лестнице послышались шаги. Кто-то своим ключом открыл дверь. Славка с Мустафой затихли на кухне, готовые к прыжку. В квартиру вошел слегка хмельной Алеша. Он услышал стоны кончавшей Анны.

– Аннушка! Да ты, никак, трахаешься? – спросил Алеша, войдя в гостиную, и остолбенел, увидев отрубленную голову дяди Миши.

Велосипедная цепь захлестнула его горло. Славка с ненавистью душил прихлебателя. Алеша попытался вырваться. Однако ноги Мустафы уже отбивали его печень, почки, яйца. Алеша потерял сознание. Его привязали к стулу, оголив нижнюю часть тела. Рот ему тоже заклеили лейкопластырем. Мужичка обыскали. Нашли выручку – пять банковских упаковок десятирублевых и охотничий нож во внутреннем кармане.

– Вот и свиделись, сучий потрох! – сказал Шизик и выжег Алеше глаз сигаретой. – Ничего! Как твою баруху трахают и тебя кончают – одним глазом увидишь!

По сигналу Шизика отдохнувший Шабака снова набросился на Анну. Та пыталась сопротивляться, не давая. Прихваченным алешиним ножом Шабака отрезал ей ухо и швырнул к ногам любовника. С еще большим наслаждением он продолжил насиловать рыдавшую Анну. Алеша попытался отвернуться.

– Смотри, кусочник! Говноед московский! – Шизик врезал Алеше по зубам и, схватив за волосы, повернул оставшимся глазом на постель.

Шабака кончил несколько раз и обмяк на Анне.

– Больше трахаться не будешь? – участливо спросил Шизик.

– Не могу больше! – прохрипел Шабака.

– Тогда – слезай! Кто на очереди?

– Нам не хочется, – ответили Славка и Мустафа, знавшие о болезни приятеля.

– Тащите ее сюда! – приказал Шизик, берясь за топорик.

Упиравшуюся Анну выволокли в гостиную. Ее поставили на колени у журнального столика, положили на него, как на плаху, голову проститутки. Анна замычала, под ней что-то засвистело, и половое покрытие стало мокрым. Подождав, когда путана прописается, Шизик ударил топориком по ее шее. Затрещали разрушаемые мышцы и позвоночник. Анна с хрипом испустила дух. После третьего удара Шизик отделил голову от тела и ткнул ею в лицо Алеша.

– Сейчас с тобой тоже будет!

Алеша тоже описался. Он что-то умоляюще замычал. Его вместе со стулом подтащили к столику и уложили рядом с безголовым телом Анны. Засвистел топор, и алешина голова покатила по столику.

– Надо рвать когти! – сказал Славка.

– Куда ты когти сорвешь? В объятия к ментам? – с издевкой спросил Шизик.

– М-может, в гостиницу?

– Там тебя и повяжут! Поживем здесь, пока шум не утихнет. Этим никто не хватится. По кабакам походим. Хата теперь имеется. Чтобы еще бабло было, еврея, о котором Алеша говорил, разбомбим. А там видно будет.

– Здесь грязно, все в кровище и ссанье!

– Вот и беритесь за уборку! Хватите ведра – ее в холодильнике полно. И за дело!

Выпив, кофла принялась за уборку. У Шизика было другое занятие. До глубокой ночи он расчленил в ванной трупы. Заворачивал их части в пластиковые пакеты, упаковывал в чемоданы и сумки, найденные в квартире. Головы, чтобы не протухли, он упаковал в полиэтиленовые мешки с положил в холодильник. Московские гастролеры вступили в новую фазу.

7

В тот день кодла впервые нормально поела. Парни перекусили в закусочной пельменями и люля-кебаб. Потом Славка с Шабакой затаились около квартиры еврея, а Шизик с Мустафой поехали по вокзалам, чтобы оставить расчлененные тела в автоматических камерах хранения. Еврей приехал домой рано. Он упаковывал вещи, готовясь к переезду в новую квартиру. Приехали с дела Шизик с Мустафой. Им пришлось побывать на всех девяти столичных вокзалах. Узнав, что еврей дома один, Шизик вытащил из холодильника алешину голову, положил ее в единственную оставшуюся сумку. В сопровождении кодлы он позвонил в квартиру еврея.

– Инспектор «Мосгаза», – ответил Шизик на вопрос: «Кто там?»

По уже отработанной технологии еврея ударом в челюсть вбили в квартиру.

– Узнаешь? – спросил Шизик, тряся алешиной головой над лежавшим на полу евреем.

Того пробил приступ рвоты. Кодла терпеливо ждала, когда еврей проблюется. Славка даже сбегал на кухню и принес холодной воды. Еврей с трудом пришел в себя, его колотил озноб.

– Этот кент тебя-дурака разбомбить – ограбить хотел. Говорил, что сто штук снять с тебя хочет. Мы покумекали и решили, что лучше ты нам пять кусков нарисуешь... Выгодно это тебе: и жив останешься, и «бабки» сохранишь!

– Ребята! – понял еврей, чего от него хотят. – Здесь у меня всего полторы штуки, на переезд. Возьмите их – остальное завтра.

– Завтра – так завтра. Я в это же время приду. Что на хате есть – давай сейчас. Я буду один. Если что – кодла тебе репу отрубит, как этому хрену, – Шизик снова потряс мертвой головой под носом у еврея.

Тот дрожащими пальцами выгреб из кармана шикарной кожаной куртки три банковские упаковки пятирублевков.

– Куртчонка у тебя хорошая. Прихватим мы ее с собой, а? – потянулся к вешалке Славка.

– Конечно, конечно, ребята! Берите! – закивал головой бледный еврей.

Вечером кодла ужинала в одном из ресторанов гостиницы «Россия». Заказали по рыбному и мясному ассорти на каждого, жульен, эскалопы, жареные грибы с картошкой. С выпивкой, правда, было туговато: подавали всего по сто граммов водки на человека. Пришлось заказать еще пару бутылок дорогого коньяка «Арарат», которым торговали без ограничений.

– Как с евреем поступим? Мочить его будем? – поинтересовался Славка.

– Нет, ответил Шизик. – Мы с него еще потянем. Узнаем, куда он переехал и еще один визит нанесем.

Кодла потихоньку гуляла, поглядывая на сидевших в напминавшем вокзал ресторане потягивавших шампанское девиц – явно приезжих. Славка с неутомимым Шабакой принялись подкадривать кое-кого во время начавшихся танцев. В это время Шизик заметил официантов, опускавших почтовые конверты в корзину для бумаг, стоявшую у столика метрдотеля.

– Зачем совсем новые конверты кидать в мусорную корзину? – зашевелил мозгами Шизик. – Не иначе, взятки метр снимает.

Раскрасневшиеся Славка с Шабакой подсели во время перерыва в танцах за столик.

– Отпустишь нас, командир, на ночку? – спросили они, опрокинув по рюмке «Арарата». – Хорошие девчонки есть, и бабло при нас...

– Сегодня не получится – работенка будет. – ответил Шизик. – Вон, метр сидит. Его бомбить будем.

– Полно «бабок», а ты снова о работе, – поскущели парни.

– Девки эти вам по столынику за ночь обойдутся. За стол сотни три выложим. Вот полштуки сегодня и спустим. Завтра – опять полштуки, послезавтра – полштуки. Так за неделю

все и прогуляем. А что потом? Сосаловка? Жить надо по принципу: трус в карты не играет! «Бабки» должны быть у нас всегда. Поэтому сегодня, коль случай выдался, подграбим метра.

– Как его подграбишь? Где он живет – не знаем. Голов, чтобы попугать, при себе нет...

– Где живет – узнаем. А головенку я теперь всегда с собой прихватываю, – похлопал Шизик по стоявшей рядом с ним сумке. – Телефончики у девчонок возьмите – пригодятся.

До закрытия ресторана кодла плясала и угощала девчат коньяком. Затем наступило время расчета. Уплатив около четырех сотен, компания вывалилась из кабака. Нашли таксиста, согласившегося за сотню поработать пару часов. Уточнив, где служебный выход, кодла подогнала к нему машину. Ждать пришлось около часа. Наконец, появился метрдотель в австрийском бежевом пальто. Поигрывая ключами, он направился к «Ладе» последней модели.

– Давай за «восьмеркой»! – приказал Шизик таксисту, когда метр выехал с парковки.

Ехать пришлось долго, в Теплый стан. Остановились метрах в двадцати от подъезда, в который направился метрдотель. Сунув таксисту сто рублей, Шизик сказал:

– Никому не говори, что работал с нами! Мы из КГБ!

Метр, не спеша, щелкнул замком с кодовым устройством. Запереть дверь ему не дали. Подкравшийся сзади Мустафа впился метру в горло, а Шизик поднес к его лицу голову Анны. Как и еврей, метр начал блевать. Метрдотеля втащили в лифт и обыскали, пару раз стукнув по шее. Тугие конверты, бумажник и кошелек жертвы исчезли в карманах Шизика. Он мазнул головой Анна по губам тяжело дышавшего метра и сказал:

– В милицию не звони, если не хочешь в таком виде в моем сумарьке ездить!

Метрдотеля снова вывернуло. Кодла, оставив блевавшего мужика у лифта вышла из подъезда. Оттуда уже слышались собачий лай и истошные вопли:

– Пьянчуга! Гадина! В который раз ты весь лифт заблевал, пьянь поганая! Куси его, Джоки! Куси его-шарлатана! Фасс!

На хате пересчитали взятое у метра. Около трех тысяч было в конвертах и столько же в кошельке и бумажнике.

– Ничего себе, дяденька за вечер заработал! – присвистнул Славка.

– Ты тоже неплохо, – улыбнулся Шизик.

– Вот жизнь! Бабки есть! В лучших кабаках жрем! Это лучше, чем на дядю с хреном пахать! – восторгался Шабак. – Завтра куда хавать поедем?

– Завтра поедем в Останкино, в кабак «Седьмое небо». Он на телебашне находится. Но сначала зайдем к еврею, должок получим.

Ночью у Шабаки снова разыгрался приступ гонореи. Снова Славка пичкал его в туалете пиллюлями.

Ближе к вечеру проспавшийся Шизик явился к еврею. В квартире слышался гомон.

– Засады быть не должно, – подумал он. – Менты бы сидели тихо, не кипишились.

Шизик нажал кнопку звонка. Дверь открыл подвыпивший мужичок в темно-синих тренировочных рейтузах.

– Хозяин дома? – спросил Шизик, отгесняя мужика от входа и осекся.

Ни роскошной, черного дерева вешалки, ни огромных оленьих рогов не было в прихожей. Какие-то убогие узлы, потертая мебелишка, обшарпанные фибровые чемоданы стояли в гостиной. Там же за столом сидела компания подгулявших мужиков, среди которых не было ни одного еврея.

– Я хозяин буду, – догнал Шизика мужичок. – Сегодня въехал согласно ордеру. Новосельце на скорую руку справляем с ребятами с работы...

– А старый-то хозяин, еврей, куда делся?

– Еврей сегодня в Израиль уехал. До последнего дня сидел тут, паскуда, съехать не мог, а я в подвале ютился. Ждал – дни считал, пока он отсюда выметется.

– Вот тебе и хрен! – присвистнул Шизик.

Началась у кодлы столичная жизнь. Каждый вечер компания меняла рестораны. Выпивали, знакомились с девушками. Бывало, ехали к ним, бывало, приглашали к себе. По пятницам Шизик наносил визит к сквернику у Большого театра. Там собирались педерасты. Он находил себе паренька-проститутку и уединялся с ним в аннинной спальне. Мальчишки стеснялись заниматься любовью на глазах у кодлы. Поэтому компании давалась «увольнительная» на несколько часов. Парни звонили знакомым девчатам и «отдыхали» у них. Однако выходные случались довольно редко. Как правило, кодла работала. Тактика была прежней. Выслеживали в кабаке богатого посетителя или метрдотеля. «Провожали» его до дома, а там в ход шла одна из голов. У «клиента», пришедшего при виде отрубленной головы в полуобморочное состояние, без труда и шума выгребали деньги. Если удавалось проникнуть в квартиру, прихватывали видеотехнику и другое ценное барахлишко. Добычу сбывали знакомым азербайджанцам у универмага «Московский». Дальше его на «плешку» не совались. Все было бы ничего, да головы стали протухать: покрылись синеватыми трупными пятнами, завоняли. Пришлось выбросить их в Язу. Хотели поначалу добыть новую голову, но Шизик передумал. Он решил изменить почерк ограблений, не исключая, что милиция уже ищет кодлу. В газете «Московский комсомолец, покупаемой ради детективов, Шизик прочитал о жизни и доходах дорогих проституток. Их он и решил бомбить. Поехали для затравки в ресторан «Белград». В этом кабаке собиралась молодежь, а также люди среднего возраста, умеющие делать деньги. «Кожа» пережегалась здесь с темно-серыми в благородную полоску шерстяными австрийскими и югославскими костюмами. Сюда же слетались на заработки молодые женщины. Они были в вечерних платьях или «гуляльных» костюмах, привезенных со всей Европы от Англии до Турции. Блистали, переливаясь, брильянты, изумруды, сапфиры. В отличии от других московских ресторанов, в Белграде сохранились правила приличия, а кое для кого и хорошая кухня. Однако большинству посетителей, как и везде, надо было хорошо выпить и найти подружку на ночь. Женщины же, наоборот, ели только «вкусненькое» пили шампанское, поскольку находились на работе.

Кодла заказала себе самую дорогую пищу и самые дорогие напитки, увиденные в меню, начала присматриваться к женщинам. Внезапно разгул на миг приостановился. В зал в сопровождении пары дюжих парней вошла ослепительная рослая блондинка. Для нее уже был приготовлен столик, украшенный дефицитным ананасом. Вокруг столика сразу же замельтешили сорокалетние мужики. Блондинка милостиво, словно императрица, беседовала с каждым не более минуты, а один с парней что-то записывал в блокнот.

– Кто такая? – спросил Шизик официанта, разливавшего коdle коньяк.

– Люсьена из Ленинграда. Она раз в два месяца в Москву на гастроли приезжает. Штуку за ночь берет. Серьезная дамочка... Не у каждого даже здесь «бабок» хватит, чтобы ее снять!

– Ну и как?

– Кто ходил с ней, очень довольны!

– А ты, землячок, не пробовал?

– Что я псих? За обоссаную дырку тысячу рублей платить?!

– Как ее снять?

– Очень просто! Подойди сейчас, поговори. Если ты ей понравишься и бабло есть – ноу проблем! Люсьена – женщина деловая.

Хлебнув коньяка «Тбилиси», Шизик подошел к столику с ленинградской. Та оценивающим взглядом измерила его и улыбнулась:

– В следующий четверг, в это же время, здесь же.

– Нельзя ли пораньше? – залебезил Шизик.

– Нельзя, голубчик! У меня очень жесткий график: все дни и ночи на неделю вперед расписаны.

Славка, тем временем, успел сторговаться за двести рублей с зеленоглазой брюнеткой. Та мурыжила его до закрытия кабака: танцевала, поглощала икру с крабами и шампанское. После закрытия она затащила Славку в бар. Там дерябнули еще по сотне граммов виски. Попыталась девица завлечь Славку в загородный ресторан при каком-то мотеле. Но Славка тоже был на работе и отрезал:

– Устал я, дорогуша. Поедем к тебе —и в койку!

Несколько разочарованная девица села в такси, за которым последовала кодла. Немного попетляв, машина выехала на Рязанский проспект, покатило в самый его конец, за которым начиналась Московская кольцевая дорога, а з ней городок Люберцы. Тормознули у железобетонной башни трущобного вида. Щедро расплатившись с таксистом, Славка поднялся с девицей на лифте. Он знал, что кодла уже рядом с домом и ждет его сигнала. Славка не успел поработиться бедности логова, в которое попал. Девушка впиалась в его губы. Внезапно она больно прикусила зубами славкин язык и не выпускала. Славка замычал. В это время чьи-то руки проворно зашарили по его карманам, выгребая из них велосипедную цепь и деньги. Славка попытался вырваться из объятий, но девица еще крепче прикусила его язык и впиалась рукой в мошонку.

– Хватит! – лениво протянул над славкиным ухом густой бас. – «Бабки» у него мы сняли, теперь «кожу» посмотрим!

Больно укусив Славку за язык, и дернув за мошонку, девица выпустила его и ударила в челюсть.

– На колени! – приказала она опрокинувшемуся Славке и больно ударила его в пах.

Стонавшего от боли парня поставили на колени и содрали с него кожаную куртку.

– Куртчонка турецкая, а колеса чьи? – выдернули Славку из кроссовок.

«Пума» – хорошая фирма. А что за портки на нем? – начали расстегивать на Славке кожаные брюки.

– Тоже – Турция! Откуда же ты, фраерок, в такой упаковке в Москву явился? Где твой паспорт? Нет паспорта?

– Мужики, из Волгограда я, – соврал Славка.

– А мы из Люберцев! Люберы – мы! – назвали парни молодежное объединение, наводившее ужас на всю страну.

Славка успел прийти в себя и осмотреться. Рядом с девицей стояла пара накаченных парней в серых в мелкую клеточку куртках и таких же брюках. Славке бросили какую-то рвань.

– Подожди, – преградил Славке дорогу к дверям один из люберов. – Я его трахнуть хочу!

– Не стоит! – вмешалась девица. – Лучше вы меня!

Славке дали по шее и вытолкнули из квартиры. Когда он спустился вниз, кодла поджидала его у лифтов. Поначалу его даже не узнали в тусклом освещении подъезда. Он рассказал, что ловить на хате нечего, но жалко барахлишка и денег. Да и люберам беспредельно обнаглевшим надо дать отпор. Кодла поднялась наверх. Славка встал перед глазком, закрывая остальных. Он долго давил кнопку звонка. Наконец, ему открыл любер в трусах.

– Хочешь, все-таки, потрахаться со мной? Заходи! Сейчас я тебе впячу! – потащил он Славку в квартиру.

Выпрыгнув из-за славкиной спины, Шизик вонзил в висок люберу нож. Его подхватили, чтобы не поднялся грохот. Вооруженный только что выданной велосипедной цепью, Славка ворвался в комнату. Там отключив зад, девица делала минет развалившемуся в продранном креслице басовитому люберу. Славка вытянул ее цепью по розовой нежной попке. Девица с визгом взвилась, брызгая кровью. Второй славкин удар рассек член басовитого. Любер опрокинулся из креслица, зажимая фонтанировавшую рану, с воем покатился по ковру. Шизик с Мустафой подхватили его, потащили в ванную. Сквозь вопли оттуда послышался плеск воды. Славка с Шабакой взяли за девицу и повалили ее на кушетку.

– Делайте со мной, что хотите, только не убивайте! – запричитала та.

Оставив Шабаку заниматься девицей, кончивший Славка вошел в ванную. Там истекал кровью погруженный в горячую воду любер. Кровь била из него фонтаном. Он уже не кричал, не метался, а лишь хрипел, откинувшись на спинку ванны. Внезапно любера вырвало.

– Это от большой потери крови, – прокомментировал Шизик. – Уже скоро кончится...

Проблевавшись, любер совершенно побелел. Дергаясь в судорогах, он с головой погрузился в воду, смешанную с его кровью. Через несколько секунд «коктейль» забурлил от выходящего из легких воздуха.

– Дух с него вон! – констатировал Шизик. – Теперь пойдем решать, что со шкурой подсадной делать.

Кодла вышла из ванной вовремя. Девица вырубил Шабаку и, подхватив трусишки, рванула к двери.

– Так тебя не убивать?! – схватил ее за руку Славка.

Он вовремя успел дернуть девку на себя и отскочить. Два удара «рука-меч» рассекли воздух на том месте, где только что находилась славкина рука. Четыре ноги обрушились на девицу. Мустафа накинул цепь на ее шею и стал душить. Шизик остановил его. Девице заклеили рот лейкопластырем и отволокли на кухню. Шизик включил электрическую плиту. Плита довольно быстро накалилась докрасна. Упирившуюся девку подтащили к плите и посадили голым задом на раскаленную конфорку. Из-под девицы повалил дым. Она замычала, закатив глаза, заерзала по плите. Кодла подождала, пока девка не потеряет сознание. Так и оставили ее сидеть обуглившейся попой на раскаленной конфорке. Вернули назад славкин прикид, деньги и велосипедную цепь. У люберов выгребли немного: около тысячи рублей и пистолет Макарова.

– Дедушка с внуком нашли пистолет, больше в деревне милиции нет, – продекламировал Шизик, пряча оружие.

Уже у себя на хате пришли к выводу, что бомбить проституток – дело невыгодное. Во всяком случае, – для приезжих. Прикинули, что неделю люберы будут искать убийц приятелей. Поэтому на это время решили «лечь на дно». Мустафа укатил к знакомой татарке в Мневники. Славка с Шабаккой окопались у знакомых девиц в переулках у станции метро «Бауманская». Шизик притащил мальчика из Свердловска, прибывшего на покорение Белокаменной. Через неделю кодла была в сборе. На хате обнаружили грустного Шизика и расчлененного на части свердловчанина.

– Он сказал, что у меня слишком короткий для него член. Пришлось замочить, чтобы такой хороший мальчик больше никому не достался, – вздохнул Шизик.

Мальчика развезли по камерам хранения, а вечером вновь появились в «Белграде». Шизик все же захотел довести дело с ленинградкой до конца. Как и неделю назад, здесь шел разгул, и никто даже не вспомнил о девице из Люберцев. Как и неделю назад, Люсьена пришла в девять вечера и принялась за свой любимый ананас. Снова замельтешили вокруг нее мужики. Подошел и Шизик.

– Помню вас, – улыбнулась ему Люсьена. – Часиков в одиннадцать присаживайтесь за наш столик. Пока у меня дела, а после одиннадцати я – ваша.

Повеселевший Шизик вернулся к своему столу. Там его ждал хорошо одетый мужчина кавказской внешности.

– Я тебя ищу с прошлого четверга, с тех пор, как вы люберам хвост прищемили, – сказал он, не представившись.

– Кто такой? – хмуро спросил Шизик.

– Я – кореш Лечо-чеченца, – отрекомендовался кавказец.

– Персона известная! Что хочет от меня Лечо?

– Не только от тебя, а от всей вашей кодлы хочет. Хочет взять вас в долю.

Для начала по две с половиной штуки в месяц каждому. Ну, и как при коммунизме, будете жить на всем готовой. Выпивка, жратва, бабы, тряпки, цацки – за все Лечо платит.

– Условия хорошие, но почему он выбрал именно нас?

– Вы – ребятишки деловые, шустрые. В Москве еще не примелькались. Чеченцы пару-тройку месячишек должны отдохнуть. К тому же, менты на них глаз положили. Надо поохранять Лечо. Когда чеченцы вернутся, вы, если захотите, будете и дальше работать. Если нет – вернетесь к себе на Волгу. Откуда будете, из Чебоксар?

– Нет, мы из Астрахани, – назвал Шизик еще более удаленный от Казани город.

– Кодла согласна? Будет на нас работать?

– Как я скажу, так кодла и сделает. Что надо?

– Есть работенка штук на сто. Выгорит дело – пятьдесят штук ваши. Это, не считая того, о чем я говорил. Завтра надо взять на одной хате пять коробочек и привезти их ко мне.

– За такую работу и такие «бабки»?!

– Видишь ли, может быть, пару «лягушек» завалить придется. Потому и «бабки» такие!

– Мы подписываемся! – согласился за всех Шизик. – Где и когда встретимся завтра?

– Завтра в десять утра на Самотечном бульваре. Знаешь, где это?

– Такси довезет! – бесшабашно ответил Шизик.

– Лады! А сейчас допивайте и без всяких дел домой – баиньки!

– Здесь ты ошибся – дела у нас!

– Никаких дел. В одиннадцать здесь у нас большая разборка с солнцевскими ребятишками будет. Они с люберецкими корешатся, вас по их заданию ищут. Сами люберы решили вас не править. Поручили это дело солнцевским. А к солнцевским у нас большой счет. Поэтому многие из чеченцев после сегодняшнего отдохнуть поедут. Поэтому и вас бережем для завтрашнего дела. О Люсьене не грусти! Она в постели хороша, но бывают и лучше. Если ты ее подграбить решил – возьмешь штуки три – не больше. Остальное она в Питер переводит. Теперь сравни: три штуки и пятьдесят. Есть разница?

– Разница есть... – обалдел Шизик.

– Вот и хорошо! А теперь идите отдыхать! Скоро мы начнем...

Шизик глянул по сторонам. Он заметил, что в кабаке гораздо больше, чем в прошлый раз черноголовых кавказцев. Он велел Славке расплатиться и дождавшись, когда кодла по одному покинет зал, пошел к выходу. У дверей его остановил один из телохранителей Люсьены.

– Куда же ты? – спросил он, загораживая выход. – Люсьена ждет! Она от хороших предложений ради тебя отказалась.

– Поссать надо. Сейчас приду и сяду за ваш столик.

– Я тебя провожу! – направился следом за Шизиком телохранитель.

Однако того выручили чеченцы, курившие в холле. Они что-то шепнули «мальчику», и тот быстро исчез.

На следующий день в назначенное время встретились с кавказцем. Он сказал, что зовут его Арут и ознакомил кодлу с планом операции. Надо было с посредником ехать к продавцам японских персональных компьютеров. Кодла должна была проследовать к квартире, где шла торговля. После, когда Арут скажет, что деньги у него в машине, надлежало ворваться в квартиру и отобрать компьютер. Вроде бы, все выглядело просто. Через час после встречи подъехал посредник, сел в «Жигули» Арута. Кодла на такси поехала за ними. Ехали минут пять, не больше. У метро «Колхозная» свернули в переулок с новыми домами. Кодла следом за Ауртом вошла в подъезд. Шизик угадал, что торг идет на третьем этаже. Поднявшись туда, парни услышали голос Арута. Шизик прильнул ухом к двери.

– Право, сто сорок штук – хорошая цена! – услышал он.

– Накинь еще штучек пять! – ответил хозяин квартиры.

– Ладно! Сто сорок пять тысяч. Деньги у меня в машине. Сейчас принесу. Как дверь открывается?

– Почему с собой не принес деньги? Наколоть нас хочешь? – спросили Арута.

– Э-э, дорогой! Ты мне не веришь – почему я должен верить тебе? Может быть, у тебя тут кодла сидит? Дали бы мне по голове, бабло забрали... Скоро приду! Открывай пожалуйста!

Не хотя хозяин выпустил Арута. Закрывать дверь он не успел. Ударом кастета в лоб Мустафа уложил его на линолеум в прихожей. Перешагнув через тело, Арут ввел кодлу в комнату.

– Вот эти коробочки надо забрать, – указал он на упакованный компьютер.

В комнате оказались посредник и еще один мужик.

– Ах, ты – сука! – заорал один из них и с неожиданным проворством всадил охотничий нож в живот Аруту.

Тот, растерянно глядя по сторонам, начал оседать на пол. Мужик устремился к Шизуку, но затрещали выстрелы, и он повалился на ковер. Скрючившись, повалился рядом с ним посредник: пули попали ему в живот и в голову.

– Ноль один! Милиция! Налет на квартиру! – услышала кодла женский голос из соседней комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.